ФАНТАСТИКА

ОРЕХОВ, Н. ОРЕХОВ

СИНЯЯ ПЕСНЯ ХОЛМОВ

Н. Орехов
С. Орехов

СИНЯЯ ПЕСНЯ ХОЛМОВ

(фантастическая повесть)

Вначале в сновидениях царил хаос. Чуть позже в них обрелись и смысл, и логика. Пришелец видел, что он стоит в центре круглого амфитеатра, ему казавшегося храмом, еще не преданным огню.

Хорхе Луис Борхес. «Круги руин».

Там в полуночной стране над мирами
Праведный царь, властелин богоравный,
От океана и до океана
Дали познав, устрашает пространство.

Калидаса. «Рождение Кумары».

Глава 1.

Ложка со стуком опускалась в пластмассовую тарелку с борщом. Стук — особенно когда слушаешь со стороны — казался чрезмерно громким на фоне почти неслышимого шелеста работающего киберкока.

«А если бы напротив сидела дама? — подумал Олег. — Наверняка у нее создалось бы впечатление, что шеф Объединенных Штабов Периферийных Поисковых Систем (ОШ ППС) отрядов Глубокой Космической Разведки (ГКР) Тихомиров Олег Павлович элементарно невоспитан». Олег усмехнулся недамскому слову «элементарно» — женщина так не подумает.

Никто не запрещал включать в камбузе музыку, но Тихомиров не любил есть «в сопровождении». За время нескончаемых одиночных инспекционных и прочих рейсов в нем выработалось умение наслаждаться самим процессом еды, особенно если киберкоку удавалось блюдо. Сегодня борщ получился неплохой, автомат добавил капельку какой-то эссенции, что придало борщу новый тонкий аромат. После таких борщей совсем не хочется возвращаться в рубку к осточертевшим дисплеям.

«Еще бы добавить...» — Тихомиров начал перебирать в голове известные ему названия приправ.

Неожиданно вякнула сирена, вякнула, словно хотела напомнить о себе.

Тихомиров замер над тарелкой, прислушиваясь, и тут сирена взревела во всю мощь мембран. Олег вскочил из-за стола, распахнул дверь в коридор. По стенам коридора метались алые всполохи световой сигнализации. Стена перед ним раздвинулась, открывая нишу контейнера, доставившего скафандр высшей защиты к местонахождению человека, и Олег, чертыхаясь, начал облачаться. Сирена, будто подгоняя, взревела еще надсаднее. Руки, уже одетые

в бронеперчатки, вспотели и плохо слушались, наплечный замок гермошлема никак не хотел входить в паз. «Спокойно, без паники», — сказал себе Олег. Наконец, замок вошел в паз, и Тихомиров, на ходу опуская лобовое стекло, бросился в корабельную рубку.

«Что могло случиться?» — думал он, стараясь не споткнуться о выступившие из стен, готовые в любой момент перекрыть отсеки, аварийные переборки.

В тревожном полыхании красных сигнальных ламп по ярко-белому экрану главного монитора стремительно бежали строчки «...отклонение от курса 11 градусов, 14 градусов, 17 градусов...» Текст исчез, сменившись перекрестьем осей координат с яркой звездочкой основного курса в центре. Рядом вспыхнула зеленая точка — реальное положение корабля в космическом пространстве — уползающая от основной оси вправо. Показания компьютера говорили о том, что корабль падает. Но куда? В этом районе не могло быть ни черной дыры, ни каких-либо иных объектов с большой гравитационной массой, иначе они давно были бы внесены в навигационные карты барражирующими бескрайние просторы Метагалактики беспилотными станциями-разведчиками.

Олег, не отрывая взгляд от экрана, успел сделать несколько шагов к пилотскому креслу, когда задрожал пол, и тело налилось тяжестью. «Включились маршевые двигатели! — с удивлением подумал он. — Аппаратура вышла из-под контроля! Этого не может быть! Что происходит?» Непреодолимая сила нарастающих перегрузок опрокинула его с ног и свинцовыми объятиями вдавила в пол. Задыхаясь, он перевернулся на спину, но пол неожиданно накренился, и Олег съехал в угол рубки, с грохотом врезавшись в обшивочную панель стены. Он попытался встать, повернулся к главному монитору и увидел, как под потолком, пронизывая воздух, заметались голубые зигзаги разрядов. Сирена надсадно взвыла, переходя с высоких нот на низкие, из швов приборных панелей вскипела желтая пена, и экран монитора погас. Перегрузки продолжали нарастать. В глазах потемнело. Усилием воли Олег попытался удержать ускользающее сознание. Последнее, что он увидел — возникший под потолком рубки зеленый конус. Просвечивающий насквозь, со струящимися внутри яркими изумрудными прожилками, направленный вершиной вниз, конус бешено вращался, испуская голубые зигзаги-росчерки разрядов. Сбоку вырос огромный сноп искр, что-то рухнуло на пол. Все поплыло в глазах, и Тихомиров потерял сознание.

Было тихо. Тихомирову не понравилась эта тишина, и он открыл глаза. Словно карауля этот момент, боль отозвалась ломающей судорогой в каждом мускуле тела. Олег заставил себя сесть, Он находился в рубке собственного корабля, в самом дальнем ее

углу. Вокруг валялись сорванные со своих мест приборы. По настенным панелям змеились оплавленные следы электрических разрядов. Все огни на главном пульте управления были мертвы. Это могло означать только одно — смерть корабля.

«Зеленый конус», — вспомнил он странный объект, возникший под потолком рубки. С трудом поворачивая голову. Тихомиров огляделся. Нигде никаких конусов, в рубке он один. «Зеленый конус, зеленый конус», — что-то слышал он раньше о зеленом конусе. Он мучительно напряг память. Нет, ничего не получалось, в памяти был провал, и Олег никак не мог его преодолеть. Но кто выключил маршевые двигатели? Компьютер? Почему? Вышел из-под контроля? Но ведь на этот случай есть резервный блок-процессор.

Тихомиров с усилием, превозмогая ломоту в мышцах, поднялся и подошел к пульту управления. Хотел сесть в мягкий, удобный ложемент, расслабиться, но передумал — случись что, он может не успеть из него подняться, лучше стоять.

Пульт покрывал тонкий бесцветный слой пыли, на швах застыла грязно-желтая пена. Олег машинально смахнул пыль тыльной стороной бронеперчатки, нажал несколько клавишей, пытаясь включить бортовой компьютер, с тайной надеждой посмотрел на монитор, но тот оставался темным.

— Интересные дела получаются, — сказал он громко, словно адресуя свои слова скрывающемуся до поры до времени наблюдателю. — Как прикажете все понимать? И вообще, где я сейчас нахожусь — лечу сквозь вселенную или уже никуда не лечу? Может быть, я уже на том свете? — Олег невесело усмехнулся. Затем отстегнул от пояса разъем аккумулятора скафандра и вставил в очерченное красной линией гнездо на пульте, нажал расположенную ниже красную клавишу.

— Я, Тихомиров Олег Павлович, — произнес он, поперхнулся и вновь начал: — Я, Тихомиров Олег Павлович, начальник Объединенных Штабов Периферийных Поисковых Систем, личный код: дельта 16, служебный код: эс зэт 27, требую выдать блок аварийной памяти корабля.

Пульт раскрылся в середине. Тихомиров вынул из него черный ящик и положил на панель перед собой. Ящик стал прозрачным, внутри него сверкнул кристалл память, и раздался ровный, без интонаций, голос автомата:

— Земное время 12 часов 31 минута 5 секунд — вмешательство извне в мозг корабля, вмешательство в управление кораблем. 12 часов 37 минут 15 секунд — вынужденное отклонение от курса, подан сигнал опасности высшего уровня. 12 часов 40 минут 1 секунда — выход из-под контроля двигательной системы корабля; управление двигательной системой извне. 12 часов 51 минута

0 секунд — появление на борту корабля постороннего неопознанного объекта, природа которого не выяснена. 12 часов 53 минуты 7 секунд — уничтожен корабельный мозг; полная потеря управления кораблем; дезориентация корабля в пространстве; увеличение скорости до максимальных пределов. 17 часов 2 минуты 0 секунд — принудительная посадка на планету в звездной системе, данных о которой не имеется, ранее в этом секторе не зарегистрированной.

— Наличие планетарного топлива? — спросил Олег.

— Нет данных.

— Основные энергоносители?

— Нет данных.

— Резервное питание бортовых систем?

— Без повреждений.

— «Тарантул»?

— Без повреждений.

— Кто посадил корабль?

— Нет данных.

— Телеметрия?

— Частично уничтожена.

Олег вернул ящик на место и выдернул наугад из пульта первый попавшийся приборный модуль. Блок модуля легко вышел из своей секции. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять причину отказа — модуль сгорел полностью, вся его внутренняя структура превратилась в застывшую грязно-желтую пену. Олег оставил сгоревший модуль на пульте и выдернул соседний — картина та же самая.

Тогда Тихомиров подошел к пульту независимой резервной энергостанции и нажал белую клавишу. На панели засветился слабый желтый огонек, и корабль словно вздохнул, оживая, зашипела система регенерации. Олег склонился над пультом, изучая план-схему корабля: топливо на нуле, основные энергоносители на нуле. Каким-то непонятным образом корабль умудрился сжечь запас топлива, позволяющий долететь до центра галактики... Остались батареи аварийного резерва, что обеспечивали два месяца существования в жестких условиях полной экономии, а потом... Не хотелось думать о будущем, жить еще можно, правда, недолго, но можно, кое-что все-таки работало. А потом можно будет чуть-чуть протянуть на внутренних резервах скафандров и «Тарантула» — это если появится желание продлить агонию. Что еще уцелело помимо регенерации и пищеблока? Кинематика вся работает, уничтожен главный мозг и все сопряжение с ним. Можно попробовать открыть иллюминаторы, у них независимое управление. Олег нажал соответствующую клавишу.

Броневые плиты пришли в движение, в стенах рубки открылись три больших, в человеческий рост, круглых иллюминатора.

Яркие голубые лучи ворвались в рубку. Там, за стенами корабля, расстилался никогда им ранее не виданный мир безымянной голубой звезды. Корабль, как ему полагалось, стоял вертикально, мощные ноги-опоры впились в оплавленную землю. За обугленной площадкой начиналась унылая серо-голубая холмистая равнина. На горизонте высоко в безоблачное небо вздымались неестественно тонкие и острые, будто шпили на башнях, вершины гор, подножья их тонули в синей дымке. Растительности в привычном земном виде не наблюдалось, животных тоже.

«Да-а, занесло меня», — подумал Олег, перешел, опираясь о пульт, к другому иллюминатору и замер. Неподалеку от корабля, метрах в трехстах, стояли развалины какого-то строения. Если не развалины, то что-то очень похожее на них. Серо-голубые, в тон окружающего пейзажа, стены с темными провалами-окнами трапециевидной формы напоминали искусственное сооружение. Тихомиров долго смотрел на эти стены, в глубине души надеясь, что в руинах кто-нибудь появится. Потом перешел к следующему иллюминатору, но там его ожидал все тот же скучный пейзаж, и Олег опять вернулся к виду на развалины. Никто в развалинах не появлялся.

— Да-а, занесло меня, — произнес Олег вслух.

«А горы бесподобные, величественные горы! Вот так и буду на них глазеть, — подумал он. — Без приборов, как без рук».

Он вернулся к ложементу, сел, окинул взглядом пульт. «Ну и какие выводы мы будем делать? — спросил он сам себя. — Самое время делать выводы. Начнем с того, что.. А с чего начнем? Без всяких сомнений — корабль посадили. Иначе произошедшее объяснить просто невозможно, по крайней мере, трудно объяснить. Не планета же сама по себе притянула корабль и обеспечила посадку? Значит, кто-то. А кто? Выведена из строя корабельная электроника. Выведена — мягко сказано, уничтожена — это поточнее будет. Ну так что — чужой разум? Неизвестная цивилизация? Почему она не обнаружена раньше? Этот район галактики хоть и редко посещаем, но беспилотные разведстанции в свое время изучали его довольно тщательно. Зеленый конус?»

И тут он вспомнил трехлетней давности служебное расследование чрезвычайного происшествия с Гришей Твердохлебовым. В своем рапорте Твердохлебов описывал встречу с неким Зеленым Конусом. Рассказ его показался малоправдоподобным, но фактом оставалось то, что Твердохлебова подобрали без сознания в открытом космосе — работал спасательный радиомаяк скафандра. Разведкатер не нашли, он затерялся в просторах космических. Твердохлебова обвинили в разгильдяйстве: мол, вышел из катера прогуляться, улетел слишком далеко, да и заблудился. Подобные истории случались с ним сплошь да рядом.

А теперь снова зеленый конус... Ладно, поживем — увидим, — подумал Тихомиров. Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, но ощущение присутствия рядом кого-то постороннего не давало ему расслабиться полностью.

Глава 2.

Два дня ушло на ремонт, восстанавливалось все, что можно было восстановить. Тихомиров даже попытался проникнуть с бортовыми киб-ремонтниками в реакторный отсек, но отказался от своей затеи, не сумев снять локальное экранирование, установленное, видимо, электронным мозгом, до последней секунды пытавшимся защищать корабль от вмешательства извне. По крайней мере, теперь Олег точно знал, на что может рассчитывать в выпавшей на его долю участи робинзона. Робинзона ли? Мир за стенами корабля продолжал оставаться неизвестным. За два дня ничего не произошло, у корабля никто не появлялся. Трудно предположить, что посадившие корабль тут же потеряли к нему всякий интерес. В самом деле, не рев же планетарных двигателей их перепугал? На испуг не похоже, корабль садили — не боялись. Тут что-то другое. И теперь, когда с техническим состоянием корабля наступила полная ясность, встала необходимость исследовать мир, в котором, судя по всему, предстоит жить, необходимо выполнить хотя бы элементарные анализы окружающей среды. И вполне вероятно, именно этого — выхода из корабля — ожидают от него неведомые хозяева планеты.

На третий день, утром, Тихомиров облачился в скафандр высшей защиты и спустился в ангар. Под потолком зажглись редкие лампы дежурного освещения, озарив тусклым светом бронированные стены. На полу ангара лежал огромный черный паук.

— «Тарантул», это я. Походный режим работы.

На туловище паука вспыхнули огни, лапы его распрямились, и он встал во весь свой пятиметровый рост.

— Я готов, — раздался ответ. В черном туловище распахнулся люк.

Тихомиров прямо с площадки шагнул внутрь вездехода.

— На выход, — сказал Олег, опускаясь в кресло водителя.

В стене ангара образовался яркий голубой прямоугольник, и «Тарантул», плавно переставляя многосуставчатые лапы, осторожно спустился по пандусу на оплавленную двигателями почву. Олег остановил машину и, пока электронный мозг вездехода занимался анализами, рассматривал развалины. Прозрачный изнутри, тинтониевый корпус «Тарантула» позволял обходиться без телемониторов. До развалин было триста с небольшим метров. Олегу хотелось, чтобы это были действительно развалины, однако он понимал, что попытка желаемое выдать за действительность в его положении ни к чему хорошему не приведет.

Компьютер выдал на монитор данные анализов. Олег приятно удивился. Атмосфера планеты оказалась вполне пригодной для дыхания, но недоумение вызвало полное отсутствие какой-либо органики — ни бактерий, ни вирусов, стерильный, как в реанимационной, воздух. На планете была вода, естественный радиоактивный фон не выше нормы, солнца предостаточно, температура за бортом «Тарантула» +38 градусов — немного жарковато, но все лучше, чем —38. Можно выставить аварийный радиобуй, запитать его на солнечные элементы и ждать, когда прилетят спасатели.

Тихомиров решил осмотреть то, что было похоже на развалины. Через несколько минут вездеход стоял перед щербатыми, осыпавшимися стенами. Ряды окон-трапеций тянулись один над другим в три этажа по всей длине стены, сквозь обрушившийся потолок свет потоками падал внутрь строения. В стене был пролом. А может, это был вход внутрь, других входов Олег не видел. Он долго всматривался в этот пролом и, решившись, приказал «Тарантулу» опуститься и принять боевую позу. «Тарантул», ложась брюхом на землю, вытянул четыре ноги, четыре другие его ноги поднялись высоко вверх, ощетинившись датчиками и излучателями. Тихомиров перекинул ремень бампуля через шею, открыл мембрану шлюза и вышел наружу. Перед проломом он остановился, постоял осматриваясь и, мысленно произнеся заклинание из детской сказки «Сим-Сим, откройся!» — шагнул вперед.

Он очутился в большой квадратной комнате. Через обрушившийся потолок виднелись следующие этажи и ослепительно сияло голубое солнце. Тихомиров огляделся. Кое-где сверху свешивались длинные, почти до пола, лохмотья то ли паутины, то ли ткани. Пол был завален грудами мусора, обломками рухнувших перекрытий. Стены едва заметно искрились синеватыми искорками. Это играли в лучах света кристаллические вкрапления в породе, из которой, видимо, были изготовлены блоки стен. Олег минуту смотрел на них, любуясь переливами света в микроскопических гранях, и пошел дальше. Через несколько шагов перед ним оказалась не то тканевая портьера, не то архитектурное украшение — толстый слой пыли скрывал предмет и не давал о нем представления. Олег нашел что-то наподобие стального прута и осторожно прикоснулся им к заинтересовавшему его предмету. Может, это была действительно ткань, иссохшая от времени, но занавес со слабым шорохом ссыпался к ногам, открывая проход в новое, уже меньших размеров, помещение, из центра которого тянулась вверх полутораметровой ширины, тоже покрытая толстым слоем пыли, лестница. Она уходила на верхние этажи, диагонально пересекая все здание с первого этажа до последнего.

Осторожно ступая, Тихомиров поднялся на второй этаж. Все тот же хлам и пыль. Возможно, когда-то тут были какие-нибудь

предметы, возможно, даже приборы, но это было так давно, что время превратило их вот в эту самую бесцветную пыль.

Олег подошел к трапециевидному, начинавшемуся почти от пола, окну. Глазам открылась неожиданная картина. В десяти метрах от развалин крутым обрывом вниз начинался глубокий овраг, по широкому дну которого змеились русла пересохших ручьев, противоположный склон оврага полого переходил в невысокий приземистый холм. Поперек оврага тянулась то ли насыпь, то ли дамба. За дамбой, у подножия холма, стояло еще одно здание, тоже с обвалившейся кровлей, одноэтажное, правильной квадратной формы. Неподалеку от здания лежали три коротких, большого диаметра, цилиндра с раструбами иа концах. За зданием вытянулась явно опрокинутая длинная решетчатая конструкция со странными, наподобие рогов, раздвоениями на вершине. Весь склон холма покрывали расставленные правильными рядами короткие столбы.

По дну оврага, по склону холма побежали быстрые тени. Тихомиров высунулся из окна и посмотрел вверх. Небо затягивали плотные фиолетовые тучи. Они пришли с противоположной стороны. Тучи быстро закрыли весь небосвод до горизонта, и картина резко изменилась. Свет, проходя сквозь облачную толщу, стал лимонно-желтым и новым, непередаваемым оттенком окрасил все вокруг. И вдруг без грома и молний с неба хлынул оранжевый дождь, затянув округу почти непроницаемой оранжевой завесой.

— «Тарантул», анализ дождевой воды, — сказал Олег по внутренней связи. — Конкретный вывод, без химических формул.

— Опасность третьего уровня. В воде высокое содержание токсичных веществ неорганического происхождения.

— Благодарю, — сказал Олег.

Ливень кончался. Потоки оранжевой воды заметно поредели. Олег взглянул на небо. Фиолетовые тучи с огромной скоростью неслись к горизонту.

«Интересно, какой силы ветер на высоте? — подумал Олег. — А у поверхности ветра нет».

Внезапно в ушах пискнул сигнал «Внимание», и «Тарантул» сказал:

— Опасность первого уровня. Локальные подвижки почвы.

И одновременно Тихомиров ощутил, как качнулся пол под ногами. Сверху посыпался влажный мусор. В семи метрах от стены, параллельно краю обрыва пробежала трещина. Она расширялась. Оранжевые лужи хлынули в увеличивающийся разлом.

— Предупреждение принято, — сказал Олег.

Разлом рос на глазах. Пол опять качнулся, на этот раз сильнее. Олег оперся рукой о стену и почувствовал, как стена мелко дрожит. Вода в провале вскипела, и на поверхности появилось что-то блестящее, состоящее из множества сегментов, словно огромный стальной гофрированный червь в стремительном скольжении выгнул свою спину. Механизм это или животное, рассмотреть не удалось, все тело находилось в трещине, и лишь небольшая верхняя часть была видна над водой. Берег обрыва дрогнул и сполз на дно оврага, новая трещина пробежала уже в двух метрах от здания.

Тихомиров стремглав сбежал по лестнице на первый этаж, чуть не поскользнувшись в натекшей сверху оранжевой луже, выпрыгнул через пролом и бросился к «Тарантулу». Нырнув в шлюз, скомандовал:

— Отходим от здания на тридцать метров.

Дождь закончился, небо расчистилось, голубое солнце вновь залило ярким светом холмы, лужи из оранжевых превратились в коричневые и быстро исчезали, впитываясь в почву и испаряясь. Легкая дымка повисла над поверхностью земли, преломляя и искажая далекие горы. Здание продолжало стоять, и ничего с ним не случилось. Тихомиров выждал пять минут. Ничего не происходило.

В арсенале «Тарантула» имелись два летающих телезонда. Олег дал команду на компьютер. Снаружи раздался легкий хлопок — зонд ушел вверх. На экране возникло передаваемое с большой высоты изображение, на котором маленьким паучком чернел вездеход, несколько в стороне отбрасывал длинную тень тупоносый корпус корабля. Образуя вершину треугольника с сильно вытянутыми сторонами, небольшим квадратиком смотрелся остов здания. Олег прибавил увеличение. Свежий оползень парил под жаркими голубыми лучами, и никого и ничего там не было. Ладно, подумал Олег, посмотрим, что есть вокруг. Он стал поднимать зонд выше.

Изображение на экране резко изменилось, корабль и развалины исчезли, уменьшившись, слившись с почвой. Телезонд охватывал все большую площадь, и вдруг Тихомиров увидел город, увидел не весь, а только ту его часть, которая попала в кадр. Город находился к юго-востоку от корабля. Олег добавил еще высоты, и тут изображение опрокинулось — зонд закрутился, его относило ветром совсем в другую сторону. Олег не учел мощный ветровой поток на высоте, и теперь зонд очень быстро сносило, еще миг, и он вышел из зоны управления.

«Вот жалко-то, — подумал Олег. — Как же я так опростоволосился! Остался один, его надо поберечь. Так, а что там записал наш компьютер? Посмотрим». Он прогнал всю съемку до появления города и остановил кадр. Да, это был город. Общими очертаниями

он, видимо, имел вид правильного восьмиугольника, причем все дома имели одинаковую квадратную форму. Олег начал прогонять кадры дальше, и вдруг что-то привлекло его в изображении города. Он вернул запись назад, отыскал нужный кадр и нажал «стоп».

В объектив попала небольшая часть города, и она выглядела на экране как черное пятно. Олег дал задание компьютеру. Изображение замелькало в разных режимах обработки, и компьютер выдал ответ:

— Яма.

— Глубина? — спросил Олег.

Компьютер выдержал паузу и ответил:

— Очень глубокая яма. О наличии дна судить трудно, нет информации.

— Ладно. Расстояние до города?

— Двести пятьдесят пять километров. Координаты введены в память.

— Правильно, мы едем туда.

Тихомиров еще раз внимательно посмотрел на развалины, на корабль. Вроде все в полном порядке.

— Взять корабль на связь-пеленг, — дал он команду. — Скорость — шестьдесят километров в час, направление — город. Вперед!

«Тарантул» качнулся и, плавно набирая скорость, побежал навстречу далеким горам.

Глава 3.

Ничего примечательного по дороге до города не встретилось Унылые серо-голубые холмы расстилались вокруг, и Тихомиров сначала увеличил скорость вездехода до ста километров, а затем и до ста восьмидесяти. «Тарантул», как фантастический паук, летел над землей, его могучие лапы с неимоверной быстротой касались иссушенной рыхлой почвы, бросая машину вперед.

«Однако, напылили мы», — подумал Олег, наблюдая длинный шлейф, тянущийся за «Тарантулом».

Вскоре на фоне голубых гор показался город, сами же горы с их высоченными вершинами-шпилями и укутанным синим туманом подножием даже не приблизились.

— Расстояние до гор? — спросил Тихомиров.

— На момент вопроса — 923 километра.

— Ничего себе, вершины! — удивился Олег. Он сбавил скорость и в полукилометре от первых зданий остановил машину. Из-под толстого слоя наносного песка и пыли виднелась дорога, которая была выплавлена в породе и широкой зеленоватой лентой вела в город. Ветер наметал на нее серые языки невесомой пыли и тут же, будто передумав, сметал на обочину. В прогретом воздухе устойчиво держались зеркальные лужицы миражей. И чужой город, как неразгаданная тайна, в полном безмолвии, абсолютно равнодушный, лежал на холмах.

— Расстояние до пятна в центре города?

— Три километра двадцать метров.

— Скорость — 25 километров в час, направление — центр города.

Прямая, как стрела, улица круто поднималась на холм, потом спускалась и опять поднималась на следующий. Вокруг стояли все те же одинаковые трехэтажные дома, серые, угрюмые, с плоскими крышами, с трапециевидными, такими же, как у развалин возле посадочной площадки, ничем не прикрытыми провалами-окнами. Следы запустения царили повсюду — ни одной живой души, ни малейшего движения.

Улица в который раз круто поднималась в гору. «Тарантул» неторопливо преодолел подъем, чуть замер перед новым спуском...

— Стоп, — сказал Тихомиров.

Внизу зияло огромное отверстие в земле. Отсюда, с вершины холма, был отчетливо виден бордюр, опоясывающий яму. Вокруг ямы широким кольцом располагалась центральная площадь.

— Диаметр ямы?

— Четыреста метров, — ответил компьютер.

«Что же это может быть?» — подумал Олег.

Он медленно повел «Тарантул» вниз по улице и в пятидесяти метрах от бордюра остановил машину. Теперь он видел, что перед ним не яма. Возможно, это вентиляционная шахта или труба, а может быть, и жерло гигантского орудия.

— «Тарантул», твои предположения о назначении этого сооружения?

— Нет данных.

— Это всем понятно, что нет данных. Попробуем узнать.

«Тарантул» опустился брюхом на землю, и Олег, захватив бампуль, вышел наружу.

«Интересно, кто все это строил? — думал он, не спеша приближаясь к бордюру.— Кто жил в этом городе, и каков был их уровень развития? И где они сейчас? Где-то должны остаться, так сказать.

представители, ведь кто-то посадил мой корабль! Впрочем, посадить могли и компьютеры. Но тогда каков уровень техники, если они сумели внедриться в систему управления корабля?». Олег, опершись о бордюр, осторожно заглянул в колодец и ничего не увидел, кроме жуткой бездонной темноты. Он включил нашлемный фонарь, но его мощности не хватило, чтобы пробиться до дна. Олег повернул голову и высветил гладкую металлическую стену колодца. Ничего на ней не было, она была просто гладкой, какой может быть любая металлическая поверхность. Она тускло отсвечивала в свете фонаря и терялась, растворяясь в темноте. Солнце уже клонилось к горизонту, и его косые лучи не проникали внутрь сооружения. Олег подобрал маленький камешек, подержал его на ладони, затем разжал пальцы. Камешек исчез в темноте. Олег подождал, прислушиваясь, но так и не дождался звука падения. Некоторое время он раздумывал, что делать. Наконец, вынул из подсумника сигнальную осветительную ракету, установил счетчик срабатывания на 150-ти метровую отметку и выстрелил вниз. Через секунду в черной бездне вспыхнула яркая удаляющаяся звездочка, вырвав из мрака отвесные, уходящие вниз стены, какое-то кольцо по периметру колодца. И вдруг далеко внизу Олег увидел переходный мостик, по которому двигались четыре человеческие фигуры! Ракета пролетела метрах в двадцати от них, не заметить ее было просто невозможно, но те четверо продолжали неторопливо двигаться по мостику. Ракета некоторое время подсвечивала идущих снизу, было видно, как они один за другим исчезают в стене колодца. Ракета погасла, а перед глазами все еще стояла картина: четверо идущих по мостику через мрак людей. В том, что это были люди, Олег не сомневался. Оставалось неясным, почему они никак не реагировали на пролетевшую мимо ракету?

— Внимание! Опасность высшего уровня! — предупредил по внутренней связи «Тарантул».

— В чем дело? — Олег оглянулся.

С четырех высоко поднятых лап «Тарантула» сорвалась гирлянда огненных шаров и умчалась в безоблачную небесную высь, и там, в беспредельной вышине, распустилось белое облачко разрывов. «Тарантул» в кого-то стрелял.

— Предельная опасность! Человеку немедленно укрыться в вездеходе!

Тихомиров бросился к машине. Внезапно в той стороне, откуда они приехали, у горизонта возник и начал расти белый гриб. Он взметнулся выше горных вершин, и из него вырвался ослепительный, затмевающий низкое голубое солнце, светящийся шар. От домов потянулись длинные тени. В шлеме сработали светофильтры, но даже через них Олег видел, как бушует далекий огненный смерч. С некоторым опозданием докатился грохот взрыва.

— Что случилось?! — закричал Олег.

— Корабль уничтожен. Человеку немедленно укрыться в вездеходе! Предельная опасность!

По серым холмам к городу быстро приближалась высокая пылевая стена ударной волны. Олег бросился к входному люку. «Тарантул» продолжал посылать в небо огненные шары. Тихомиров, ухватившись за поручни, влетел в шлюз, но на пороге что-то заставило его оглянуться. Он обернулся и оцепенел. Прямо над вездеходом, бешено вращаясь, висел огромный, накрывший всю площадь, зеленый конус. Его острая вершина была направлена вниз, в прозрачной глубине струились, переплетаясь, изумрудные нити-прожилки, огненные шары разрывов растекались по его поверхности, не причиняя никакого вреда. Конус снижался.

Олег смотрел на него долю секунды, но ему показалось, что прошла целая вечность — будто время остановилось, что он, Олег, очень медленно входит в шлюз, что он очень медленно закрывает за собой дверь, и только тогда, когда громкий щелкающий звук возвестил, что броня напрочь отсекла внешний мир, время помчалось с прежней стремительной скоростью. Без предварительной дезинфекционной обработки откинулась внутренняя мембрана, и Олег влетел в салон. «Молодец, — мысленно похвалил он компьютер. — Еще соображаешь! Зачем тратить время на санобработку, если планета стерильна!»

«Тарантул» распустил над собой купол силового поля. Олег, переводя дух, упал в кресло и тут же увидел, как конус коснулся защитного купола, и силовое поле фиолетовыми всполохами размазывается вокруг его острия. Взвыли от перенапряжения генераторы подпитки батарей.

— «Тарантул», в укрытие! — закричал Олег, и «Тарантул» прыгнул. Сначала Олег не понял, куда, но потом вдруг похолодел, сердце исступленно забилось в груди, словно задохнувшееся — вездеход летел над черным провалом колодца. Зеленый конус навис было над «Тарантулом», но вдруг начал удаляться, и вот уже мрак надвинулся со всех сторон, вездеход проваливается в темноту, а гигантский диск неба, видимый из колодца, вскоре превратился в белесое пятнышко, а затем и вовсе исчез. «Тарантул» падал, и ко́нус почему-то не стал его преследовать.

Олег представления не имел, сколько осталось до дна, но то, что удар «Тарантул» в любом случае не выдержит, было ясно — слишком глубоким оказался колодец, не помогут даже тормозные пиропатроны. «Все кончено! — мелькнула отчаянная мысль, мелькнула и тут же исчезла, а на ее месте возникла другая: — Почему был такой взрыв? Очень сильный взрыв! Ведь на корабле не оставалось ни грамма топлива?».

На включенных компьютером телеэкранах замелькали какие-то световые всполохи, потом яркие полосы, потом экран залило ровным усиливающимся светом, но что-либо рассмотреть было невозможно — скорость падения была очень большой. И вдруг ложемент захлопнулся над Тихомировым в капсулу и принял горизонтальное положение, из подлокотников и из-под спины хлынула, заполняя весь объем и тут же застывая, амортизационная пена — компьютер, не подверженный психическим спазмам и нервным депрессиям, выполнял заложенную в него программу спасения человека. «Зря все это, — подумал Олег. — Смерть будет мгновенной».

«Тарантул» содрогнулся, затем еще раз и еще раз — отстреливались пиропатроны — и страшный удар швырнул Олега в темноту.

Глава 4.

...Бескрайний цветущий луг уходил из-под ног. Чтобы не упасть, надо было держаться за высокие стебли травы. «Держись, Олежек, крепко, не упади. Вот скоро прилетит папа и увидит, какой ты у нас молодец, какой ты у нас самостоятельный...» — звучал тихий голос матери. Самой ее не было видно. Олег обернулся и увидел себя, расхаживающего по дну огромной ямы, в которую он скатился. Вверху, у края ямы, стояли взрослые дяди и тети и кричали ему что-то ободряющее; потом в яму спустилась лестница, и по ней — мама... Картины детства сменялись одна за другой, и вот Олег уже видит себя третьеклассником, с ранцем за спиной и в новеньких сапожках, благодаря которым он теперь может смело измерять глубину весенних луж. Вот он уже старшеклассник и бежит по зимнему лесу на лыжах. Вот он уже стажер ГКР и летит в свой первый разведрейс, затем уже командиром отряда вместе с остальными ребятами встречает новенького — Гришу Твердохлебова, и происходит ставшая исторической сцена, когда Твердохлебов, появившись на пирсе и тряхнув длинными рыжими волосами, по-президентски сделав ручкой, сказал: «Всем вольно! Торжественный митинг по поводу начала кампании по борьбе с безвоздушным пространством считаю открытым!» Потом Твердохлебов уже не своим, а каким-то чужим и далеким голосом говорит:

— Человек с планеты Земля, Тихомиров Олег Павлович, вы можете открыть глаза. Человек с планеты Земля, Тихомиров Олег Павлович, вы можете открыть глаза... — лицо Твердохлебова начало расплываться и таять, но голос продолжал настойчиво звучать: — Человек с планеты Земля, Тихомиров Олег Павлович, вы можете открыть глаза...

Олег открыл глаза. Над ним склонилось незнакомое, в глубоких морщинах лицо: выпуклый лоб с густыми подвижными бро-

вями, волосы очень коротко подстрижены под ежик, круглый подбородок и бесцветные, полные шевелящиеся губы:

— Человек с планеты Земля, вы меня видите? Слышите?

Губы двигались, слова не совпадали с их движением но не это поразило Олега — глаза — радужная оболочка вокруг зрачков светилась мягким коричневым светом!

— Вы меня слышите, видите, Тихомиров Олег Павлович? — странные глаза незнакомца смотрели внимательно и с любопытством.

— Да, — ответил Олег, удивляясь тому, что его называют по имени-отчеству и еще при этом называют планету, откуда он родом. — Неплохая осведомленность, — подумал он.

— Меня зовут Моас, — сказал человек. — Я врач. Вы совершенно здоровы и, если хотите, можете встать.

«Мне разрешают встать, — подумал Тихомиров. — К тому же, оказывается, я совершенно здоров. Интересная встреча двух миров получается!». Олег обвел глазами незнакомую, залитую шедшим из стен и потолка светом, совершенно круглую комнату, увидел стоящих неподалеку двух мужчин, одетых в свободные, похожие на шаровары, брюки и куртки-безрукавки, задержался взглядом на их лицах — у обоих светились глаза, у одного зеленым, у второго, более молодого, серым, если только такой возможен, светом. Сам Олег лежал в центре комнаты на твердом подиуме, укрытый ниспадающей на пол теплой серебристой тканью. Одежды на нем не было.

Тихомиров сел.

— Кто вы? — спросил он разговаривавшего с ним человека.

Тот улыбнулся:

— Я уже говорил, я Моас, врач, занимавшийся вами. А поработать мне пришлось основательно: травма черепа, перелом позвоночника в трех местах, повреждение спинного мозга... В принципе, вы были почти мертвы... — Моас замолчал, опять чему-то улыбнулся. — Я вас с того света вернул, так, вроде, говорят на вашей планете.

Олег перевел взгляд со светящихся глаз на рот говорившего. Несовпадение слов с движением губ его забавляло.

— Каким образом мы с вами общаемся? — спросил он.

Моас продолжал улыбаться:

— Я говорю на своем языке, на котором говорят лины — жители планеты Лин, ты говоришь на своем, но благодаря вот этому, — врач взял теплыми пальцами ладонь Олега — запястье опоясывала блестящая ленточка, — переводчик нам не нужен, — он замолчал, некоторое время рассматривал Олега. — Для нас, линов,

ваше появление стало потрясением. Я имею в виду не только ваше появление в качестве космического гостя. Когда-то мы сами летали к звездам и предвидели возможность встречи с другими цивилизациями. Нас поразило сходство тебя, человека Земли, и, следовательно, всех землян с нами. Я надеюсь, вы понимаете ничтожность шанса возникновения и развития во Вселенной двух идентичных биотипов. Хотя различие есть, но оно настолько незначительно, настолько ничтожно, что им можно пренебречь. Пока я вас реконструировал, мне пришлось довольно детально исследовать ваш организм и знаете... Меня больше всего поражает сходство набора хромосом. И пока вы здесь лежали, в наших научных кругах развернулась дискуссия по поводу того, случайное это совпадение или не случайное. Есть горячие головы, которые утверждают, что появление во Вселенной человека, как вида, связано совсем не с прихотями эволюционных процессов, — врач замолчал, продолжая улыбаться.

— И именно поэтому, — сказал Тихомиров, — вы в принудительном порядке посадили принадлежащий цивилизации Земли корабль? Я уже не говорю обо всем последовавшем за этим. Согласитесь, такой способ разрешения научных споров очень похож на начало военных действий.

— Не делайте поспешных выводов, Олег Павлович. Вы все узнаете, увидите, услышите. Одевайтесь.

На полу, возле подиума, лежали аккуратно сложенные брюки-шаровары и куртка-безрукавка.

— Прямо говоря, — продолжал Моас, — ваше появление в шахте мы восприняли как новую уловку юргами. И лишь когда просветили ваш «Тарантул» и увидели вас, то поняли, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

— Каким образом просветили? — удивился Олег. Он принялся одеваться. — Как и чем вы могли просветить броню «Тарантула»? Это невозможно!

— Это возможно, — ответил врач, — так же, как возможно ваше воскрешение из мертвых.

— Так все-таки я разбился? — спросил Олег.

— Да. Вдребезги.

Тихомиров встал и осмотрел себя в новой одежде.

— А где мой скафандр?

— Если вы согласны совершить небольшую прогулку, то вам предстоит встреча с координаторами, они ответят на все ваши вопросы и зададут свои.

— Тогда в путь, — оживился Олег.

Моас, подойдя к стене, прикоснулся к ней ладонью. Стена беззвучно раздвинулась, приглашая войти в просторную круглую кабину.

Они вошли, сели на скамьи, и кабина начала стремительно падать, потом помчалась куда-то по горизонтальному тоннелю. Скорость была очень высокой, за восьмигранным окном огни слились в одну бесконечную линию. Но вот кабина оказалась на открытом участке дороги, и Тихомиров увидел, что они мчатся над большим городом. Город лежал на дне огромной пещеры, а сама эстакада проходила почти под ее сводом. Над городом, освещая его, висели большие белые шары, по улицам, между таких же, как на поверхности, трехэтажных домов шли люди, двигались эллипсовидные открытые платформы. Эстакада спустилась ниже, и теперь кабина плавно скользила вдоль большого подземного озера, дальний берег которого терялся в белесой дымке испарений.

И вдруг что-то произошло. Метрах в пятистах от эстакады между сводом пещеры и крышами домов возник столб пыли. В следующее мгновение сверху на город обрушилась лавина камней. Кабина резко остановилась. Тихомирова и Моаса бросило к противоположной стене. Низкий нарастающий гул примешался к грохоту камнепада. Кабину несколько раз тряхнуло.

— Обвал? — стараясь перекричать грохот, спросил Олег.

— Сейчас увидим, — прокричал в ответ Моас.

Дверь кабины распахнулась. Моас нажал на выступ одной из панелей, и она отошла в сторону, открывая углубление, в котором стояли предметы, отдаленно напоминающие теннисные ракетки — выпуклые диски с отверстиями по обеим сторонам. Моас протянул один диск Тихомирову.

— Возьмите. Это вам. Импульсный излучатель. Если нажать здесь, — Моас показал на ближнее к «рукоятке»-стволу отверстие, — он стреляет.

— А вы думаете, нам придется в кого-нибудь стрелять?

Моас, ничего не ответив, выпрыгнул из кабины на насыпь. Олег последовал за ним.

Город затягивало пылью, рушились под каменным дождем дома, по улицам, спасаясь, бежали люди. С потолка пещеры стали откалываться огромные куски скальной породы. Один такой кусок врезался в светящийся шар. Полыхнула ослепительная вспышка, и огненная медуза накрыла добрую четверть города.

Первым внутренним движением Тихомирова было желание броситься туда, в город, но Моас стоял, не двигаясь с места, и смотрел вверх, держа диск в ладонях.

«Чего он ждет?!» — подумал Олег.

Огромный пласт скалы медленно-медленно отделился от свода и рухнул вниз. Земля содрогнулась от чудовищного удара. Все скрыла поднявшаяся пылевая туча.

— Вот он! — Моас показал стволом вверх на образовавшуюся в своде дыру.
— Кто?
— Грюз!

Перекрывая грохот обвала, раздался пронизывающий нервы вой, и из потолка пещеры появилось стального цвета кольчатое тело гигантского червя, который извиваясь потянулся вниз, к домам.

Моас припал на колено, держа диск в ладонях и вставив пальцы в отверстия, направил черную «рукоятку»-ствол на червя. Длинным пунктиром потянулась вверх нить выстрелов и впилась в извивающееся тело грюза, прошивая его насквозь.

— Помогай мне! — крикнул Моас, оглянувшись на Олега. — Его надо разрезать пополам! — и опять пустил серию пунктиров в грюза. Часть зарядов попала, часть прошла мимо и разорвалась под сводом пещеры.

Олег тоже выстрелил. «Эх, сюда бы мой бампуль!» — подумал он, наблюдая, как лишь несколько импульсов попали в цель.

Грюз качнулся, словно маятник, сворачиваясь в спираль, ушел под потолок и внезапно, стремительно распрямляясь, метнулся в их сторону.

Тихомиров, инстинктивно закрываясь локтями, отпрянул от пронесшейся в каких-то полутора метрах молотоподобной головы гигантского стального червя, его опалило раскаленным ветром, и он почти оглох от нестерпимо давившего на барабанные перепонки воя. Кто-то сильно дернул Олега за руку. Он обернулся. Моас тянул его в укрытие за транспортную кабину. Грюз, промахнувшись в первый раз, начал сворачиваться под сводом пещеры для нового броска.

— Он что, видит нас? — спросил Олег, приходя в себя и отплевываясь от пыли.
— Он все видит, — ответил Моас.

В высоте появились два шаровидных летательных аппарата. Они закружились вокруг грюза, осыпая его огненными пунктирами. Грюз метнулся к ним и сбил один, ударив его снизу.

Откуда-то сзади над головами Тихомирова и Моаса прошла еще одна сверкающая трасса. Олег оглянулся. По водной глади озера к берегу мчалась эллипсовидная платформа. На ней стояла девушка. «Это она стреляла», — догадался Олег. Платформа вылетела на галечный берег. Девушка, не дожидаясь полной остановки, спрыгнула на ходу и, постоянно стреляя, побежала к городу. Она уже поравнялась с их кабиной, когда предостерегающе закричал Моас.

Олег бросил взгляд в сторону и замер, увидев распрямляющуюся в броске исполинскую пружину железного чудовища, его трехметровую голову, приближающуюся со скоростью сверхзвукового экспресса. Тихомиров рванулся из-за кабины, в два огромных прыжка нагнал уже взбежавшую на насыпь дорожного полотна девушку, схватил ее за плечи, поднял, как невесомую пушинку и швырнул назад, вниз, за кабину. Он успел прижать ее к земле и накрыть собой, когда сверху обрушился обжигающий ураган. Краем глаза Олег видел взлетевшую в воздух и разваливающуюся на куски транспортную кабину и понял, что сам он тоже летит... Тихомиров быстро пришел в себя, сел, озираясь по сторонам. В воздухе висела пыль. Под изогнутым, задравшимся вверх обломком монорельса сидел Моас. Увидев, что Олег хочет подняться, он замахал рукой:

— Сиди! Не вздумай вставать! Ползи ко мне.

Олег подполз и сел рядом.

— А где она? Жива? — спросил он Моаса, нигде не увидев девушки.

— Жива. Здесь она, — Моас кивнул головой на вывернутую из земли плиту. Под плитой, как под козырьком-навесом, лежала девушка, глаза ее были закрыты, она тяжело дышала. Девушка как девушка, в напоминающей спортивный костюм одежде, темноволосая. Происходи все на Земле, Олег вряд ли узнал бы в ней инопланетянку.

— Ты гляди, живые! А мы думали, вас накрыло, — раздалось сзади, и молодой парень в коричневой одежде спрыгнул под насыпь. Следом еще пятеро. Они все были в одинаковой униформе. Парень, спрыгнувший первым, взглянул в лицо Тихомирову, несколько секунд удивленно рассматривал своими светящимися соломенными глазами:

— Значит, здесь. Все цело? — он осмотрел Олега с головы до ног.

— Все цело, — ответил Олег.

— А где Лен? — спросил парень.

— Здесь, — доктор показал под плиту. — Шок после падения. Если бы не наш гость, могло быть намного хуже. Я сегодня же поставлю на координационном совете вопрос о ее безответственном поведении. Кому нужно такое геройство?!

— Ты, как всегда, прав, доктор Моас, но для начала нужно покончить с грюзом, — парень привстал, выглядывая из-за монорельса и обернулся к своим:

— Начали!

Тихомиров вместе со всеми вскинул излучатель. Парень повернулся к нему:

— Надо бить в одну точку и резать пополам. Видишь серое пятно на сгибе? Бьем под пятно.

Семь ослепительных пунктиров, пересекаясь и разбегаясь, сошлись в одной точке под пятном. Грюз метнулся в сторону, но трассеры, стреляющие из города, словно поняв общий замысел, настигли его. Стальные кольца вскипели, и грюз развалился пополам. Верхняя его часть начала втягиваться в дыру в своде пещеры, а нижняя, с грохотом рухнув в развалины, продолжала биться в конвульсиях. Над ней зависли летающие аппараты.

— Вперед, — сказал парень, и шестеро ребят одновременно легко перемахнули через насыпь.

— Все,— сказал Моас,— теперь они его добьют,— и устало опустился на землю.

Тихомиров сел рядом.

— И часто у вас такое бывает? — спросил он, отряхивая пыль со штанин.

Моас помассировал колено, недоуменно пожал плечами:

— Именно такое — нечасто, первый раз. Первый раз за всю мою жизнь грюз сумел пробиться к городу. Над городами своды пещер бронированы, — он поднял карие светящиеся глаза на Олега. — Я сам не пойму, как такое смогло произойти...

— Сегодня заменяли бронеплиты над городом, и никто не ожидал, что рядом будет грюз, — раздался женский голос.

Тихомиров и Моас подняли головы. Перед ними стояла спасенная Олегом девушка. Стройная, симпатичная, как любая девушка, но ее глаза!.. Олег даже растерялся — он никогда не видел светящихся сиреневых глаз.

— Меня зовут Лен, — сказала девушка. — Благодарю тебя, спаситель, — она протянула Тихомирову руку и внимательно посмотрела ему в лицо.

Тихомиров пожал мягкую ладошку и хотел отвести глаза в сторону, но девушка, не выпуская его руки, продолжала внимательно всматриваться в его лицо.

Моас поднялся, отряхиваясь.

— Не удивляйся, Лен. Перед тобой житель планеты Земля, Тихомиров Олег Павлович — так звучит его имя.

— Да можно и просто — Олег, — Тихомиров виновато улыбнулся.

— Так вот кому я обязана жизнью! — воскликнула Лен. И, помолчав, добавила:

— Какие странные глаза...

Моас улыбнулся:

— Мне кажется, Лен, наш гость о твоих глазах думает то же самое.

Олег покраснел и выпустил руку девушки.

— Перед тобой, Олег Павлович, — продолжал Моас, — один из членов координационного совета — инженер Лен.

— Оч... очень приятно, — кивнул Тихомиров.

Лен продолжала улыбаться:

— Мне тоже. Нам, безусловно, будет о чем поговорить, но я вынуждена вас покинуть... Необходимо закончить бронирование свода, иначе нападение повторится. Я не прощаюсь, — она улыбнулась и легко побежала к своей платформе.

Тихомиров смотрел ей вслед, пока платформа не превратилась в черную точку на водной глади.

Глава 5.

Моас и Олег шли вдоль крайнего ряда домов. Тихомиров с любопытством глядел на закрытые разноцветными жалюзи трапециевидные окна, на какое-то подобие садиков из жиденьких, тонких, почти безлистых, деревьев с ярко-зеленой корой. Навстречу часто попадались спешащие к разрушенной части города платформы, над головой с негромким шипением проносились шаровидные летательные аппараты. Множество людей в коричневой униформе, издали похожие на муравьев в разворошенном муравейнике, разбирали руины.

Сзади раздался прозрачный высокий звук. Тихомиров с Моасом оглянулись и сошли с дороги на обочину. Мимо проплыла большая платформа, на которой лежали несколько металлических цилиндров в два человеческих роста каждый, заполненные, словно свернутыми в рулет, глянцево-черными и белыми слоями волокнистой массы.

— Ну вот, — сказал Моас, — эту порцию повезли на растерзание в лабораторию у юго-западного водопада.

Тут только до Тихомирова дошло, что на платформе везут часть туловища грюза. «И порубили добры молодцы змия железного, как колбасу — на куски», — подумал Тихомиров и спросил:

— Будут исследовать?

— Да что толку! — Моас поморщился. — Ничего это не даст. Вы понимаете, Олег, вот эта штука, — он кивнул головой в сторону удаляющейся платформы, — не просто железный червяк больших размеров. Вот ты видел сегодня его голову. И мы, с тех пор, как грюзы появились, видим только их головы, ну, и то, конечно, что за головой выползает. Никто никогда не видел хвоста. Да что хвоста, середины туловища! Он бесконечен. Или настолько длинен, что все равно, что бесконечен. Лет семьдесят назад был случай, когда грюз прорвался в такую же, может, чуть поменьше, пещеру. Охрана сплоховала, и он заполнил весь объем пещеры.

Его потом выжигали термоядом. Никто не может понять, откуда берется энергия, чтобы оживить это чудовище. Они же наполовину живые — наполовину механизмы, — Моас вздохнул, вытер ладонью испарину со лба. — Жарко сегодня.

— Я уже встречался с грюзом, — сказал Олег. — Там, на поверхности. Неподалеку от моего корабля стояли развалины...

— Мы об этом знаем, Олег Павлович. Вам тогда чудесным образом повезло. И знаете что, Олег Павлович, человек с планеты Земля, я понимаю, у вас сейчас появится бесчисленное количество вопросов, начиная с «По какому праву был захвачен корабль?» и до «Почему мы не вмешались, когда вы подверглись нападению зеленого конуса?»... Мне кажется, представители правительственного корпуса цивилизации Лин лучше меня ответят на ваши вопросы. Нам сюда, — указал он на ничем не примечательный дом.

Они вошли в белые двустворчатые двери, миновали просторный холл, заполненный прохладным полумраком и синим искристым мерцанием стен, и стали спускаться вниз по лестнице. Моас, идущий впереди, заговорил не оборачиваясь:

— Нам недалеко, поэтому обойдемся без помощи лифта... Мы, в основном, строимся этажами вниз. Если бы мы строили дома вверх, то никаких пещер не хватило бы. Да и безопаснее так.

Они спустились на третий этаж.

— Теперь сюда, — Моас кивнул на такую же белую, как и наружная, дверь.

— А сколько этажей под нами?

— Двадцать девять, — ответил Моас, открывая дверь и пропуская Тихомирова вперед.

Олег оказался в большом прямоугольном помещении, освещавшемся, как и реанимационный бокс доктора Моаса, струящимся из стен белым светом. В комнате стояло несколько небольших столов и кресел. На одной из стен во всю ее длину висела, насколько смог понять Тихомиров, карта, очень сложная, трехмерная. У карты стояло пять человек.

— Наконец-то! — сказал подошедший первым к вошедшим рослый, крепкого сложения мужчина с добрыми карими глазами. — Человек с планеты Земля, я, первый координатор Олн, от всех жителей планеты Лин приветствую тебя, нашего космического брата!

— Первый координатор Олн и люди планеты Лин, я, Тихомиров Олег Павлович, от лица всего человечества приветствую вас, — Олег протянул руку Олну, тот подал свою, они обменялись крепким пожатием.

Остальные обступили их, каждый по очереди представился: Вайл, Эст, Нпер и Бэл — звали заместителей первого координатора.

Олн продолжил:

— Олег Павлович, уточним сразу одну немаловажную деталь: дело в том, что обращение «Вы» в нашем языке применяется лишь в отношении человека, совершившего преступление. У землян и линов есть форма «Ты», и я предлагаю в разговоре употреблять именно эту форму обращения, разумеется, если это не вызовет больших затруднений у представителя Земли.

«Поразительная осведомленность о наших лингвистических тонкостях!» — подумал Тихомиров и вслух сказал:

— У нас на Земле есть поговорка: «В чужой монастырь со своим уставом не входи». Полностью подчиняюсь законам планеты Лин.

— В таком случае, формальности позади, переходим к делу. Прорыв грюза застал службу охранения врасплох. Есть много жертв, большие разрушения. Ты сам — мы видели на экране — принимал участие в его уничтожении, — Олн обвел комнату рукой, — здесь сердце нашей цивилизации, сюда стекается информация со всей планеты, — Олн жестом пригласил Тихомирова к креслу и сам сел напротив него. Остальные координаторы вернулись к карте. — А сейчас поговорим по существу. Я должен поставить тебя в известность, Олег Павлович, что при восстановлении травмированных участков мозга нам пришлось вскрыть твою память на всех уровнях, и теперь мы знаем все о тебе и очень многое о твоей планете. Я приношу глубокие извинения за подобного рода вмешательство, но это было необходимо сделать на случай, если бы не удалось восстановить структуру мозга. Тогда мы по записи создали бы новый, то есть заменили погибший мозг копией. Но, однако, все обошлось. И, я говорю откровенно, мы счастливы видеть в тебе брата по космосу.

— Что ж, раз вы все знаете... — Олег развел руками.

— Нет, мы знаем не все. Сканирование выявило наличие в нейронной энергоструктуре непроницаемого локального участка, возможно, психогенного происхождения. Впрочем, давайте для начала совершим небольшой экскурс в историю планеты Лин, — Олн взял откуда-то из воздуха тонкое, диаметром с ладонь, желтое кольцо и необъяснимым образом оставил его в пространстве перед глазами Тихомирова. — Надо смотреть в центр кольца, — сказал первый координатор. — Сосредоточься. Непонятные места я буду комментировать.

Кольцо начало медленно вращаться. В центре его вспыхнула яркая точка.

Перед Олегом замелькали кадры истории: какие-то кубические сооружения, битвы, города, техника.

— Ход исторического развития нашего народа несколько отличался от вашего пути, — донесся будто издалека голос Олна. — Лины сравнительно поздно вышли в космос и успели до Вторжения исследовать всего две ближайшие звездные системы.

Олег увидел стартующие в небо космические корабли в форме вытянутых цилиндров с утолщениями в центральной части, людей в сферических скафандрах, летящих на бесколесых платформах над безжизненным, похожим на лунный, ландшафтом.

— Вторжению предшествовало появление в небе планеты зеленых конусов. Они появились над городами, горами, морями, словом, везде.

Олег увидел плывущий в вышине пурпурного вечернего неба зеленый конус.

— Первоначально их считали аномальными атмосферными явлениями. Но вскоре перестали возвращаться космические корабли, беспилотные спутники. В космическом пространстве происходило что-то необъяснимое, и потому было решено полеты временно прекратить. И тогда над одним из городов планеты прошел первый красный дождь.

Перед взором Тихомирова встала панорама далекого города, над которым стояла красная, спускавшаяся с темно-фиолетовой тучи, пелена.

— Через два часа в городе погибло все живое. Снимавший эти кадры — тоже. А это уже съемки автоматической лаборатории.

Олег увидел пустые, полузавалившиеся палатки, между которых ветер гнал серую пыль.

— Это все, что осталось от исследовательской группы, занимавшейся выяснением причин трагедии.

Сначала возник общий план улицы, потом объектив начал приближать круглый предмет, лежащий на середине дороги. Им оказался человеческий череп, в глазницы которого ветер наметал все ту же серую пыль.

— Серая пыль, — говорил первый координатор, — минерализованные остатки органических тканей. Перед тобой карта распространения красных дождей из локализованного участка на всю планету. Было принято решение: уцелевшее население увести под землю в природные и искусственно созданные полости. На поверхности планеты осталось единственное место, куда не смогли проникнуть дожди-убийцы — так называемая Долина Синих Холмов — древний метеоритный кратер. Долина находится очень высоко в горах, выше уровня облаков. Туда не могут пробиться ни зеленые конусы, ни грюзы. Природа явления до конца не выяснена. Но вернемся к судьбе народа Лин. Мы создали в толще недр новый мир. На поверхность отправлялись только автоматические лаборатории, но и им не везло.

Тихомиров увидел полукруглую машину, летящую над оврагом. Внезапно над ней возник зеленый конус. Машина пыталась уйти от него, маневрировала, но конус, неотрывно преследуя ее, настигнув, вошел в нее, как в масло. Машина разлетелась на куски. Изображение оборвалось, и Олег снова очутился в зале. Основное он понял.

— Я могу задать несколько вопросов? — спросил он.

— Разумеется, — Оли кивнул головой. — Я предвижу один из них и отвечаю сразу: к акту нападения на космический корабль землян мы отношения не имеем.

— Я это уже понял, — сказал Тихомиров.

— Твое появление у стартовой шахты посты внешнего контроля восприняли как новую уловку юргами.

— Второй раз слышу это непонятное слово — юргами. Что оно означает?

— Юргами? Имя ученого, выдвинувшего гипотезу о происхождении Вторжения.

— То есть, вы не считаете, что это какой-то природный процесс?

— Раньше считали. Теперь нет. Незадолго до Вторжения мы приступили к первым экспериментам по проникновению в теневой мир, попытались пробить барьер, отделяющий нашу Вселенную от остального Мироздания. Была запущена серия спутников для проведения эксперимента. Все они вышли из строя через несколько секунд после начала работы. Есть косвенные данные, что нам-таки удалось пробить барьер. Первоначально мы считали, что все беды связаны именно с этим тоннелем, по которому материя теневого мира хлынула к нам. Но в последнее время пришли к выводу, что столкнулись с агрессией: мало того, что на поверхности уничтожена вся биомасса, действия зеленых конусов против наших технических средств не оставляют никаких сомнений в намерениях юргами. В последнее время появились грюзы — полумеханизмы-полуживотные, которые, внедряясь в грунт, отыскивают наши поселения, и по каналам, оставленным ими, прорываются конусы. Мы теперь бронируем купола над пещерами и над всеми коммуникациями. А совсем недавно появились монстры-телепаты. Они спускаются в вентиляционные шахты, уводят людей на поверхность и люди бесследно исчезают. Как видишь, идет целенаправленная деятельность по уничтожению нашей цивилизации, на каждое наше действие у юргами находится противодействие.

— Да, дела у вас... Несомненно, это вторжение. Как вы это называете?

— Юргами.

— А их самих, юргами, вы не видели? Что они из себя представляют?

— Их никто не видел. Конечно, мы не сидим сложа в бессилии руки. Колодец, в который прыгнул «Тарантул», — пусковая шахта космического корабля. За два дня до твоего появления мы отправили в космос экспедицию. Старт прошел удачно, кораблю удалось вырваться за пределы планеты.

— А какова цель экспедиции?

— В ответе на этот вопрос мы и видим тот шанс на спасение, который нам может дать Земля. Ты уже понял, что мы с самого начала совершили ошибку, решив уходить под поверхность планеты. Источник агрессии находится в космосе, там его и надо уничтожать, а мы, отступая, позволили блокировать всю планету и попали в западню. Мы понимаем, что экспедиция почти не имеет шансов вернуться, она, честно говоря, была заранее обречена. Но эту жертву мы приносили обдуманно, ради той информации, которую удастся получить.

Олн замолчал. Тихомиров тоже молчал. Наконец, он сказал:

— Чтобы Земля помогла, надо долететь до нее. Или хотя бы вырваться из этого сектора пространства и послать сигнал. Необходимо вычислить зону влияния юргами.

— Это мы уже сделали.

— Каким образом?

— Ты забыл, что мы прочитали твою память. По моменту отказа компьютерных систем корабля рассчитали сферу блокады. Сейчас мы строим второй корабль. Он почти готов. Используя твою информацию и ту, что получит экспедиция, мы сможем пробить канал, по которому ты выйдешь за пределы зоны. А там, я надеюсь, ты знаешь, что делать.

— А если не получится?

— Тогда с нами будет покончено как с цивилизацией. Но мы надеемся на лучшее.

Глава 6.

Миновало три дня. Время Тихомирова было расписано по минутам. Доктор Моас стал настоящим ангелом-хранителем, контролируя адаптацию организма землянина к новой пище, к климату подземного мира. Координатор Нпер в качестве гида знакомил Олега с цивилизацией Лин. Тихомиров побывал в нескольких подземных городах, спускался в сверхглубокие шахты почти к самой магме, совершил короткое путешествие на другое полушарие. Что Тихомирова удивляло, так это неназойливость линов. Никто не докучал ему излишним вниманием — оказалось достаточно одной пресс-конференции, которая транслировалась на всю планету. И, хотя на улицах Олег ловил на себе любопытствующие взгляды, он

чувствовал, что ему стараются не мешать. На второй день Моас предложил снять переводящую ленту с запястья, и Тихомиров обнаружил, что вполне уверенно владеет языком линов, как оказалось, лента не только переводила, но и обучала. Тихомирову открыли доступ в Хранилище Полной Информации, его научили пользоваться универсальным информационным обручем с возможностями которого он впервые познакомился в резиденции координационного совета.

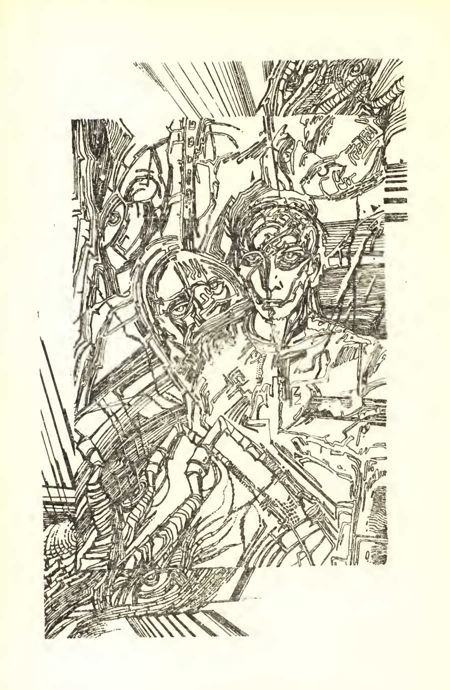
Выяснилось, что у линов отсутствует деление на нации, что освободило их от решения проблем, на которые человечество потратило непозволительно много времени, из политических партий, если их можно было таковыми назвать, существовали две — Тихомиров для себя определил их как Пессимистическая и Оптимистическая. В науке лины обогнали землян в психоинженерии, вакуумной физике и намного вперед продвинулись в изучении гравитации. Они уже делали первые шаги в использовании антигравитационных генераторов — бесколесные платформы, шаровидные летательные аппараты, некоторые технологические процессы были тому прямым подтверждением. В области искусств у линов почти совсем отсутствовала музыка, вернее, она находилась в зачаточном состоянии, и когда однажды, забывшись, Тихомиров начал насвистывать «Старого Шкипера», Нпер спросил: «Что означает этот набор разновысоких звуков?» Тихомиров попытался объяснить значение слова музыка, как искусство отражать действительность в звуковых образах, но засомневался в полноте формулировки и в итоге недолгих размышлений сказал, что подобное перебирание звуков доставляет ему эстетическое удовольствие.

Самой развитой сферой искусств у линов оказалась литература. Уходя с поверхности, вынужденные отказаться от библиотек, лины перевели книги в микропространственные копии и хранили их в специальных хранилищах. Книги продолжали писаться на бумаге в единственном экземпляре, а затем переводились в копии, лишь особо выдающиеся произведения сохранялись в оригинале как памятники цивилизации. Литература линов была тесным образом связана с религией космологического толка, носившей странную форму опоэтизированной веры в существование мифологического мира, находящегося одновременно по обе стороны Плоскости, разъединяющей Мироздание на две половины.

Тихомиров как раз держал такую книгу-оригинал в руках и пытался разобраться в поэтических образах, описывающих некое существо, проникающее за Плоскость, когда пропел обруч, висящий над столом.

— Я дома, — сказал Олег.

Обруч развернулся, над столом повисла голова Ниера:
— К тебе можно? — спросила голова.
— Конечно, можно, входи.

Дверь раскрылась, и в комнату вошел координатор Ниер.
— Доброе утро, Олег Павлович!
— Доброе утро, — ответил Олег, поднялся с дивана и добавил: — Если только утро может быть там, где не восходит солнце.
— Да, восхода солнца мы уже давно не видели, и все-таки сейчас именно утро, — Ниер посмотрел на книги, лежащие на полу у дивана.

Олег перехватил его взгляд и сказал виноватым голосом:
— Понимаешь, Ниер, — привычка. Люблю читать лежа на диване.

Ниер подошел, поднял несколько книг, посмотрел их названия:
— Ну и как тебе наш космологизм? Впрочем, на эту тему, я думаю, у нас еще будет время поговорить. Я к тебе по другому делу. Мы восстановили «Тарантул». Ты бы не хотел его посмотреть? И заодно ознакомился бы с нашим новым космическим кораблем, который почти готов.
— Конечно! Если честно сказать, то мне надоела бездеятельность.

Возле двери послышалось слабое жужжание. Тихомиров обернулся и увидел чем-то напоминавший земного жука небольшой аппарат, зависший над порогом.
— А это кто к нам пожаловал?! — воскликнул Олег.

Аппарат, блестя покатой шоколадной спиной, довольно заурчал и двинулся в комнату.
— Куда?! — воскликнул Ниер, обошел изумленного Тихомирова и встал перед аппаратом, преграждая ему дорогу. — Олег, ты не оставляй ничего на полу. Эти мусорщики не успокоятся, пока хоть что-то лежит на полу.

Тихомиров, оглядываясь на маневрирующий у ног Ниера аппарат, поднял книги и сложил на столе. Мусорщик, словно слепой, потыкался в ноги Ниера, недовольно заурчал и вылетел из комнаты.
— Еще и недоволен, — сказал Олег, провожая его взглядом.

Тихомиров с Ниером стояли на площадке нижнего яруса пусковой шахты, той самой, в которую прыгнул «Тарантул». Белые шары, висящие почти на уровне ног, освещали матовым, неослепляющим, несмотря на близкое расстояние, светом цилиндрическое тело космического корабля.

«Да, на первый взгляд этот рудовоз что-то может, — подумал Олег, — посмотрим, как он поведет себя в деле».
— А где «Тарантул»? — спросил он Ниера.
— Внизу, справа от платформы. Видишь? С него как раз снимают вспомогательные конструкции. Кстати, работами по восстановлению руководила инженер Лен.

С высоты, на которой находилась площадка, вездеход казался небольшим черным комочком. Капсула подъемника скользнула вниз. Спуск занял несколько секунд. Их встречала Лен.

— Здравствуй, Нпер, здравствуй, Олег, — ее взгляд задел в душе Тихомирова самую потаенную струну. — Я же говорила, что мы еще встретимся.

— Нет, ты не так говорила, — сказал Олег. — Ты, Лен, обманщица. Ты сказала, что мы еще не раз встретимся, а это уже коечто посущественней.

Все засмеялись. Олег мысленно отметил, что ведет себя так, будто находится на Земле среди людей. Он усмехнулся и подумал: «Похоже, про хромосомы они не врут».

Подошли к вездеходу. «Тарантул» лежал на брюхе со сложенными лапами и погашенными бортовыми огнями.

— Вот твой вездеход, — Лен похлопала машину по черному боку. — Мы его восстановили, но что-то, видимо, упустили из виду. Не можем запустить. Все проверили на десять раз, и никак не получается.

— Еще бы, — сказал Тихомиров, продолжая улыбаться, — так и должно быть. Вы же его скопировали до малейших деталей, так ведь?

— Да.

— Все верно. Значит, скопировали и кодовую цепь логического замка, — он повернулся к машине. — «Тарантул», это я, привет! — на башне вездехода вспыхнули сигнальные огни. — Вставай, вставай, это я.

«Тарантул» величественно поднялся.

— Хорош, — сказал Нпер, задрав вверх голову.

— Как у тебя это получилось, Олег? — спросила Лен.

— Машина закодирована на меня и работает только со мной. Для других ее надо перекодировать, но это сложности не представляет.

— А мы-то думали, что это за набор команд в памяти компьютера! — воскликнула Лен. — Надо сказать нашим ребятам. Я буду у себя наверху, — она побежала к капсуле подъемника.

Тихомиров проводил ее глазами и повернулся к «Тарантулу»:

— Не соскучился по мне, бродяга? Опустись и открой шлюз, да отключи блок биообработки, а то устроишь нам с координатором баню, — «Тарантул» опустился. В его боку распахнулась дверь. — Посмотрим? — спросил Олег Нпера.

Тот согласно закивал головой. Они вошли в вездеход. Олег сел в кресло пилота, предложив координатору кресло пассажира.

— Компьютер, сколько будет дважды два?

— Четыре, — ответил компьютер.

— Молодец, соображаешь! — Олег засмеялся. — Тогда включи мониторы.

Вдруг щелкнула закрывшаяся дверь, и компьютер сказал:

— Опасность первого уровня. Людям оставаться в вездеходе.

— В чем дело? Что случилось?!

— Опасность первого уровня. Людям оставаться в вездеходе.

— Откуда опасность? — спросил Олег.

— С поверхности планеты, с верхних уровней шахты. Источник перемещается, спускается вниз.

Тихомиров вопросительно посмотрел на Ниера. Тот сидел бледный, с посуровевшим лицом. Олег повернулся к экранам. Везде, на пандусах, у корабля, на переходных мостиках стояли люди. Олег дал увеличение. В экранах поплыли, сменяясь, лица с остановившимися, словно загипнотизированными взглядами. Люди стояли, слегка раскачиваясь, и, будто по команде, повернувшись в одну сторону, медленно пошли вверх по лестницам. Несколько человек упало, но остальные их словно не видели, продолжали идти, глядя завороженно вверх.

— Из чего изготовлена броня «Тарантула»? — спросил охрипшим голосом Ниер, впившись глазами в монитор.

— Из чистого тинтония...

— Невероятно! — Ниер повернулся к Олегу. — А я еще думаю, почему это мы с тобой сидим, как ни в чем не бывало.

— Да что происходит?! Объясни, Ниер, в чем дело?!

— Дело в том, Олег Павлович, что тинтониевая броня «Тарантула» не пропускает телепатического излучения, а то бы мы сейчас шли вместе со всеми. По неизвестным нам причинам конусы не проникают на эту глубину, и юргами стали использовать монстров-телепатов, которые спускаются в шахту, парализуют своим излучением психику и сознание людей, а затем выводят их на поверхность.

— Их что, — Тихомиров кивнул на экран, — нельзя спасти?

— Пробовали роботами останавливать, но тогда человек гибнет, мозг разрушается.

Олег напряженно вглядывался в экран. Люди вереницей поднимались вверх, вот кто-то оступился, сорвался и упал.

— Ладно, — на войне как на войне — «Тарантул», родной, не опозорим Землю-матушку? Боевая готовность!

На пульте зажглось множество разноцветных огней.

— Что ты собираешься делать? — Ниер схватил Олега за руку. — Это бессмысленно! Ты только погубишь их!

Олег решительно отдавал команды:

— «Тарантул», вверх по стене, вперед! Только не зацепи людей! Осторожно своими лапами, лапы нам еще пригодятся.

«Тарантул», стараясь не задеть загипнотизированных людей, пошел вверх по стене, осторожно ступая между консолей, решетками вспомогательных конструкций.

— Смотри! Лен! — воскликнул Ниер, показывая на экран.

Маленькая фигурка Лен шла в общей цепочке.

— Надо опередить людей, — сказал Олег. — «Тарантул», если возможно, прибавь оборотов.

Вездеход прибавил скорость, и людская цепочка осталась позади.

— Вот он! — вскричал Ниер.

Тихомиров повернулся к центральному монитору. Монстр был еще высоко, но уже хорошо виден — огромная, в полдиаметра шахты, человеческая голова. Голова была круглая, как шар, и совершенно лысая. За головой ничего не было видно, и поэтому она казалась отрубленной. Две трети головы занимали желтые, с остановившимся взглядом, горящие глаза, непропорционально маленькое, будто явившееся из кошмарного сна, лицо застыло в жуткой гримасе. Беззвучно открылся квадратный, беззубый рот, из которого заклубился туман.

— Паралитический газ, — сказал бесстрастным голосом компьютер.

— Это для нас чепуха, — Тихомиров напряженно вглядывался в чудовище. — Я вот думаю, что нам лучше сделать? Стрелять нельзя — люди близко, — он помолчал несколько секунд. — Сделаем вот что, — Олег положил руки на клавиатуру управления, — попробуем подойти вплотную.

«Тарантул» быстро побежал вверх. Голова повернулась, словно удивляясь незваному гостю, отшатнулась к противоположной стене шахты и бросилась на вездеход. «Тарантул» в последний момент прыгнул вверх, и голова со страшной силой ударила в стену, сокрушая какие-то конструкции. Невредимый вездеход замер, как бы приглашая к продолжению. Голова, словно кто тянул ее за невидимые нити, поднялась, раскачиваясь, до уровня «Тарантула» и вновь бросилась на него, но «Тарантул» прыгнул еще выше.

— Ниер, ты меня слышишь? — прошипел сквозь зубы Тихомиров, вцепившись пальцами в пульт и глядя в экран перед собой. — Ниер, что там люди? Следи за монитором заднего обзора, мне некогда.

— Люди остановились. Видимо, облучение прекратилось. Мы отвлекли эту гадину на себя.

Промахнувшийся монстр отшатнулся к противоположной стене для нового броска.

— Они уходят, нет? Мы же не будем прыгать по шахте до скончания света!.. — Тихомиров не договорил, бросил вездеход вверх, уходя из-под удара.

— Да, уходят, спускаются вниз, — Ниер помялся. — Надо подождать, пока спустятся. Подъемники заработали...

— Конечно, подождем, это мы понимаем... — Олег опять бросил машину вверх.

Люди быстро спускались, кто бегом по лестницам, кто в подъемниках. Сверху, сокрушаемые монстром, летели обломки конструкций шахты, потоки пыли. Монстр снова и снова с непонятным упорством атаковал уворачивающийся вездеход, который прыгал выше и выше, уводя чудовище за собой. Вновь открылась квадратная пасть, и зыбкое газовое облако накрыло машину.

— Ниер! Черт бы тебя побрал!

— Что? — Ниер вскинул голову, в глазах его был испуг.

— Ничего, — ответил Олег. — Это я так, для поддержки духа. Смотри за экраном, когда все уйдут, скажешь.

— Все равно это бесполезно. Мы одни ничего не сможем сделать... Людей внизу нет...

— Ну наконец-то! Говоришь, ничего не сможем сделать? Сейчас посмотрим. «Мечтает старый наш Шкипер опять к звездам подняться...» Слышал когда-нибудь такую песню? Нет? Есть такая песня...

«Тарантул» прыгнул на этот раз вниз, намного ниже монстра. Две передние лапы поднялись, с них один за одним сорвались несколько огненных шаров. Вспыхнула ослепительная вспышка, ударил грохот, полетели какие-то клочья. Монстр остановился. Вся правая часть головы превратилась в бесформенную шевелящуюся пену, срывающуюся вниз большими ошметками. Тихомиров и Ниер в оцепенении смотрели, как гаснет, стекленея, левый уцелевший глаз чудовища. И вдруг сверху упал ослепительный белый столб света, голова качнулась и двинулась по световому столбу вверх.

— Бр-р-р, — Олег передернул плечами. — Кажется, мы одержали победу. Противник в панике отступает.

Монстр быстро уменьшался, удаляясь. Ниер хотел что-то сказать, но не успел, шахта погрузилась в темноту, лишь в вышине голубел кружок неба величиной с индикаторную лампочку.

— Ниер, ты почему-то сегодня немногословен, тебя, наверное, подавляет величие нашей победы, — весело сказал Олег, пальцами отбивая дробь на подлокотнике кресла. — Но то была увертюра к предстоящему празднику. Жалко, что у вас туговато с музыкой, а то бы ты оценил значение слова «увертюра»... «Тарантул», внимание! Готовность высшая! На полной — вверх!

— Ты что? Ты хочешь?.. — Ниер не успел закончить вопрос, вокруг него захлопнулись, выскочив из спинок, страховочные ремни, и его вдавило в кресло.

«Тарантул» выпрыгнул из шахты и замер у бордюра. Тихомиров оглянулся на координатора:

— У тебя все нормально?

Тот сидел, вжавшись в кресло, и, ничего не говоря, глазами показывал на монитор.

— А-а, старый знакомый! — сказал Олег, рассматривая на экране удаляющегося по одной из улиц монстра. — Сейчас мы его догоним, — он пустил машину в погоню, на ходу регулируя прозрачность купола.

«Тарантул», едва касаясь лапами стекловидной поверхности дорожного покрытия, мчался по прямой, как натянутая струна, улице. Мимо проносились развалины, бывшие когда-то домами липов. Никакой цветовой гаммы, не считая голубого неба — всюду, на сколько хватало глаз, царствовал серый цвет. И без того выглядевший побитым, Ниер, глядя на картину разрушений, еще больше погрустнел.

— А вы молодцы, на уровне! «Тарантул» восстановили один к одному, — сказал Тихомиров, желая отвлечь координатора от грустных мыслей.

— Мы еще создали сотню копий «Тарантулов», только тинтоний заменили на местный материал, соответствующий по прочности, — вздохнув, ответил Ниер.

— Да ну?

— Правда, ни один не включается. Теперь-то ясно, что все они настроены на тебя, и только ты сможешь с ними работать.

— Это поправимо...

— Внимание! Предельная опасность! — сказал компьютер.

— Стоп! — Олег остановил вездеход.

— Опасность сзади! — продолжал компьютер.

Тихомиров оглянулся. Неторопливо летя над домами, к ним приближался зеленый конус. Ниер дернул Олега за рукав и показал рукой вперед. Оттуда, со стороны городской окраины, на «Тарантул» надвигался почти прозрачный в солнечных лучах еще один конус и...

— Не понял! — Тихомиров от неожиданности привстал в кресле. — Где монстр, Ниер? Куда он пропал? Ниер, монстр исчез!

Тянущаяся к окраине улица была пуста, над ней колыхалось марево перегретого воздуха, да легкими облачками пыли играл ветер.

— Олег Павлович, ты бы посмотрел вверх.

Тихомиров посмотрел и медленно опустился в кресло. Над ними висело три конуса, три бешено вращающихся зеленых вихря. «Тарантул» уже принял боевую позу и распустил над собой сило-

вой купол. «Что толку-то? — подумал Олег. — Купол не спасет. Мы в западне. Как волков обложили. Один перекрыл выход к шахте, другой — путь из города, а эти трое как шарахнут сверху, мы и костей не соберем!».

— Олег, я не пойму, почему они не нападают?

— Сейчас нападут. Не видишь, коллег своих поджидают...

Неожиданно конус, летящий над улицей со стороны шахты, взмыл вверх и присоединился к троим висящим над головой. Путь к отступлению оказался свободным.

— В шахту! — закричал Тихомиров.

«Тарантул» рванулся к центру города, руины за прозрачным куполом вездехода слились в сплошную серую стену.

Олег оглянулся. Конусы, выстроившись полукругом, летели вслед за ними, не приближаясь и не отставая. Ниер тоже оглянулся.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил он.

— Ни черта я не понимаю!

Внизу, куда спускалась улица, открылась центральная площадь и жерло шахтного ствола. Над шахтой висел огромный конус. «Тарантул» резко сбавил ход, угрожающе поднял две, ощетинившиеся плазменными излучателями, лапы над собой и начал спускаться.

— Ну вот, все ясно, — Олег откинулся на спинку кресла. — Сейчас они нас разделают под орех, — он с кривой усмешкой повернулся к Ниеру. — Как ты думаешь, Моасу в этот раз удастся собрать нас?

— Конечно, если будет что собирать... Если удастся прорваться... После твоего падения была смонтирована встречающая платформа, так что с этой стороны...

— А с другой стороны, мы попытаемся прорваться! Другого выбора нет, — Тихомиров похлопал по кожуху пульта. — Я удивляюсь, что мы до сих пор живы.

Преследовавшие вездеход конусы быстро приближались.

Ниер откинулся в кресле:

— Все. Нам не оставляют шансов.

— Да, похоже, сейчас нами займутся вплотную.

До висевшего над шахтой огромного конуса осталось меньше ста метров, когда он неожиданно взмыл вверх и ушел высоко в небо. «Тарантул» рванулся к спасительному бордюру и прыгнул. Снизу из мрака надвигались огни встречающей платформы.

— Ты что-нибудь понимаешь? — заговорил Олег, наконец-то позволив себе расслабиться. — Нас отпустили живыми...

— Нас не отпустили, нас почему-то загнали назад, нас заставили вернуться в нашу нору... — ответил охрипшим голосом Ниер. — Насколько я в курсе событий, такого раньше не случалось...

«Тарантул» содрогнулся, отстреливая тормозные пиропатроны.

Глава 7.

Над столом пропел обруч. Тихомиров, продолжая лежать на диване, перелистнул страницу. Лень было поворачивать голову, чтобы узнать кто там пожаловал.

— Входите! Я дома, — крикнул Олег, не отрываясь от древней рукописи.

Дверь открылась.

— Я вам не помешал? — на пороге стоял. Вайл.

— Нет, конечно, прошу, — Олег сделал приглашающий жест, сел; отложил рукопись.

Координатор прикрыл за собой дверь, прошел, опустился на предложенный стул, оглядел комнату, посмотрел на Тихомирова. У Вайла были голубые глаза, холодно светящиеся, колючие.

— Какое у вас настроение? — спросил он.

— Нормальное, — Олег пожал плечами.

— Как вы себя чувствуете? Ни на что не жалуетесь?

А почему он обращается ко мне на «вы»? — подумал Тихомиров. Что еще за фокусы?!

Тихомиров начал рассказывать о своем здоровье, наблюдая за поведением координатора. Тот не перебивая слушал и видно было, что до тихомировского здоровья ему столько же заботы, сколько до стула, на котором сидит. Закончив о здоровье, Олег начал распространяться о местных подземных достопримечательностях, об отношении к нему линов, о том, что его заинтересовала Долина Синих Холмов. Ее странные свойства наводят на интересные мысли и не мешало бы там побывать...

— А вот это не сразу, — неожиданно сказал Вайл, не дав Олегу завершить мысль. — Сейчас мы вас туда пустить не можем, — Вайл посмотрел испытующе.

— То есть, почему?.. Почему пустить именно туда не можете? — чего-чего, а такого Олег услышать не ожидал.

Вайл взял со стола фолиант, раскрыл, закрыл и опять вернул на место.

— Видите ли, Олег Павлович, — координатор уставился глазами в точку, находящуюся за спиной Тихомирова, — видите ли, Олег Павлович, координаторы решили, что настало время поговорить напрямую. Я к вам за этим и пришел.

— Но, если дело настолько серьезно, как вы выразились — поговорить напрямую — то почему со мной разговаривает не первый координатор?

— Вот с этого я и хотел начать разговор. Я хочу вас предупредить, что, возможно, то, о чем у нас с вами пойдет речь, вам не понравится, очень не понравится. Я буду вынужден задавать вам вопросы, вы же будете вынуждены на них отвечать.

— Да что, в конце концов, произошло? — Олег начал злиться. — Почему ты обращаешься ко мне на «вы», как к преступнику?

— Э-э-э, да. Так вот, — Вайл провел рукой по волосам. — С тех пор, как вы появились у нас под землей... Прорывы происходят там, где находитесь вы, и больше нигде.

— Но причем здесь я?! — выкрикнул Тихомиров.

— Вот именно — причем здесь вы? — взгляд Вайла стал еще холоднее. — Это мой вопрос к вам.

Тихомиров вскочил с дивана и начал ходить по комнате.

— Неужели ты думаешь...

Вайл поднял руку:

— Это не я так думаю, вернее, это не мои выводы. Так думают некоторые члены координационного совета.

— Но это же немыслимо!

— Я напомню одну деталь. При вашем восстановлении считывалась память мозга на всех уровнях сознания. Да. Так вот, с памятью вашей все в порядке до одного момента, точнее, до момента появления в рубке корабля зеленого конуса, вернее, после его появления. Вспомните.

— Я прекрасно помню, я увидел над пультом конус и потерял сознание — не каждый выдержит такие перегрузки...

— Да, ускорение корабля в космическом пространстве. Но потом ваше сознание зафиксировало уменьшение силы тяжести до нормальной.

— Я этого не помню, я очнулся, когда корабль уже стоял на поверхности планеты.

— Вот-вот-вот, — Вайл опять провел по волосам рукой. — Именно этот промежуток между включением сознания на планете и потерей его в космосе нами не прочитан. Имеет место область локальной реконструкции энергоструктуры мозга, которая отражается памятью, как некая темная полоса во времени.

— Так я же был без сознания.

— А если я вам сообщу, что в этот момент вы сознание не теряли из-за перегрузок, а его, сознания, у вас вообще не было, его изъяли, произошло вмешательство в функции мозга. Что вы на это скажете?

Олег молчал.

— Почему вы живой? — спросил неожиданно координатор.

— В смысле? — не понял Олег.

— Почему вы живой, почему юргами не уничтожили вас, как это происходит со всеми линами, попавшими на поверхность? Почему вас не уничтожили и дали возможность спуститься в шахту, я имею в виду оба случая — самый первый, и с координатором Ниером? Дело ведь не в тинтониевой броне вездехода, сами понимаете!

— Ч-черт! — Тихомиров чуть не выругался. — Почему ты у меня спрашиваешь? Спроси юргами!

— Я вас и спрашиваю, — глаза Вайла стали холодно-пронзительными.

— Что-о?! — Тихомиров вскочил.

— Сядьте, — приказал координатор.

— Я — юргами! — Олег задохнулся от возмущения.

— Сядьте, — опять приказал Вайл. — Сядьте и попытайтесь ответить на мои вопросы.

Тихомиров сел. «Идиотизм какой-то», — подумал он и сказал:

— Так вот, дорогие мои братья по космосу, я отвечаю: никакого отношения к юргами я не имею. Почему бы вам не обратиться с запросом к доктору Моасу? Он собрал меня по кусочкам, он знает меня лучше, чем кто-либо, чем я сам. Поинтересуйтесь моим молекулярным строением.

— Подделать можно все.

— И даже земную память?

— И даже земную память. Как я уже говорил, некоторая часть координаторов считает, что вы напрямую связаны с юргами — слишком невероятно возникновение во Вселенной двух почти идентичных типов биосистем. Они утверждают, что вы — разновидность монстров. Другое же мнение заключается в том, что вы действительно человек с планеты Земля. Юргами вмешались в ваше сознание и, по-видимому, произошло перекодирование каких-то цепей, связей... С какой целью — предстоит выяснить. Судя по всему, вы сами ничего не подозреваете. Пока наличие темной зоны никак не отразилось на ваших действиях, на ваших поступках, но бомба с часовым механизмом тоже ждет своего часа. Что вы на это скажете?

— Кошмарный бред!

Вайл улыбнулся одними уголками губ:

— Я намеренно начал с двух первых гипотез, потому, что есть и третья. Ее высказал координатор Эст, приведя тем самым обе спорящие стороны к какому-то общему согласию. По его мнению, совпадение прорывов юргами с вашим там появлением и все остальное объясняется тем, что темная зона в нейронной энергоструктуре своего рода транслятор... Вы — шпион, Олег Павлович! Помимо вашей воли — в этом не осталось сомнений — вы — шпион, как это ни печально. Каким-то неведомым нам образом информация об увиденном передается юргами, а им остается лишь выбрать момент для атаки. Например: вы только появились в городе, и совершенно случайно в это время заменялись бронеплиты защитного купола, и тут же атака грюза. Еще пример: вы появились в шахте — и следует атака монстра...

— С которым я единственный вступил в схватку, — подхватил Тихомиров, — которого я почти уничтожил!

— И в результате вас, можно сказать, вежливо провожают из города до ствола шахты. Согласитесь, странно как-то. А все объясняется очень просто: вы им нужны, вы — шпион-наводчик, они видят нас вашими глазами.

— Корректировщик, — сказал Тихомиров.

— Я не понял, что вы сказали?

— У нас, на Земле, во время войн таких людей называли корректировщиками, они...

— Какая для нас разница — наводчик или корректировщик? Вас не обвиняют, наоборот, мы пытаемся разобраться. Нам достаточно двух чрезвычайных происшествий, на их основе можно экстраполировать третье ЧП. Вы ждете еще одного совпадения? До вашего появления за соответствующий период времени предпринималось до сотни попыток прорывов, но неудачных.

Вайл замолчал.

— И что же вы замолчали? Продолжайте. У вас же должны быть какие-то предложения ко мне. Вы же что-то там у себя уже решили. Говорите. Почему вы молчите? Может быть, мне застрелиться?

— Ни в коем случае, — Вайл вновь провел рукой по волосам. — Ни в коем случае. Когда я к вам обращался как к юргами, я специально это сделал, они услышали, они теперь знают, что мы... что мы тоже знаем, значит что-то предпримут. А насчет самоубийства вы зря. Позволю себе долю цинизма. Если бы они контролировали вашу волю, если бы они подчинили вас себе, тогда — разумеется... Ответ, мне кажется, однозначен, невзирая на чудовищную жестокость, — он посмотрел на Олега, и Олег понял, что с ним не шутят. — А так, — Вайл пожал плечами, — мне кажется, что-нибудь можно придумать. Между прочим, мы надеемся на вашу помощь.

У Тихомирова в голове мелькнули воспоминания о детских книжках про шпионов, о том, как перевербовывались вражеские разведчики, и свои тоже перевербовывались, а потом их разоблачали.

Вайл, между тем, продолжал:

— Есть такое предложение: спустить вас глубже под землю, на нижние ярусы, тем самым заглушив поток... э-э-э... передаваемой вами информации... Есть еще предложение: юргами используют ваше зрение, если вам носить на глазах повязку? Я понимаю, это несколько смешно, но поверьте опыту, самым радикальным средством, как правило, является самое простейшее, казалось бы, нелепое.

— Ну, я тогда сам предложу, можно? Я предлагаю никуда меня... Я просто буду сидеть здесь, в этой комнате, и никуда не выходить. А?

— Именно поэтому вам сейчас нельзя ни в Долину Синих Холмов, ни на координационный совет. Теперь вы понимаете?

Олег попытался улыбнуться.

— А теперь я покину вас. Мне не надо объяснять, почему я к вам обращался на «вы»? Нет? Вот и хорошо... Вайл кивнул и вышел.

Олег подошел к двери, открыл ее и тут же захлопнул. «Нельзя! Мне — нельзя. Я — шпион», — подумал он. Он вернулся на диван, растянулся на нем. «Надо же, черт возьми, как в жизни бывает! Бьешься с грюзами и какой ни попадя нечистью, сам в любой момент можешь без головы остаться, и ты же шпион, чуть ли не враг номер один! Как такое возможно? И в то же время во мне они видят надежду на помощь Земли. Надо было Вайла спросить, что он сам по этому поводу думает. Брат по разуму! Брат-братишка-брательник!.. Шлепнул бы меня и не задумался, глаза-то у него вон какие были, с такими глазами не задумываются, а сразу дуло в затылок... Почему я живой?! Ничего себе вопрос! Потому, что мне повезло, вот почему! А везет мне потому... Чертова логика! Действительно, почему? Потому, что я везучий? Никогда за собой подобного не наблюдал. А может быть, я действительно везучий? Тогда почему мне в шахте не повезло? Если бы не Моас, собравший меня по кусочкам... Или это можно назвать везением? Неужели юргами предвидели и это?! Нет, слишком невероятно; я в рассуждениях начинаю идти на поводу у линов, начинаю приписывать юргами сверхъестественные способности. Хотя, что я о них знаю, о юргами? На планете без году неделя, а туда же — выводы строчить. Для меня важнее сейчас не комплексовать, не потерять ощущение действительности... Даже если дело обстоит так, как сказал Вайл...»

Тихомиров сосредоточился и попытался обнаружить у себя в мозгу нечто эдакое, постороннее. Ничего не получалось. Он вспомнил рубку корабля, появление зеленого конуса, но на этом воспоминания обрывались.

Дверь без стука распахнулась, и в комнату вошла Лен.

— Здравствуй, Олег. К тебе можно?

Тихомиров вскочил на диване.

— Ты понимаешь, — он попытался улыбнуться, — я теперь сам не знаю, что мне можно, что нельзя. Я — шпион юргами,—Олег театрально захохотал.

— Я знаю, — спокойно сказала Лен и прошла в комнату.

Олег мгновенно стал серьезным.

— Ну-у... Тогда проходи-садись... А почему ты обращаешься ко мне на «ты»? Ведь согласно правилам, предписывается к преступнику...

Лен присела на краешек стула, что-то мелькнуло в ее глазах. «Будто сиреневая птица печали взмахнула крылом», — подумал Олег, и ему почему-то расхотелось острить.

— У меня только что был Вайл, — сказал Олег.

— Я знаю.

— Он говорит, что я шпион, он говорит, что так думают в координационном совете.

— Сегодня все лины поставлены в известность...

Тихомиров поежился. Воображение мигом нарисовало ему картину, как лины, показывая на него пальцем, объясняют своим детям, что этот дядя с планеты Земля — шпион.

— И что же мне делать? — спросил он растерянно.

— Ничего не делай.

— И все будут обращаться ко мне на «вы»?

— Это личное дело каждого.

— Почему?

— Потому, что каждый должен сам определить свое отношение к случившемуся. Я не во всем согласна с координационным советом. Более-менее убедительно звучит пока один единственный момент: юргами используют информацию, полученную от тебя зрительным путем. Все остальное, на мой взгляд, не более чем домыслы. Я кое-что придумала.

— Ты придумала? Или координационный совет?

— Я!

— Но при чем здесь ты? Только что от имени совета со мной разговаривал Вайл...

— Они просто не знают, как с тобой поступить. Некоторые даже предлагали уничтожить тебя, — Лен откинула прядь со лба. — Мы сейчас совершим с тобой экскурсию. Я хочу тебе показать Долину Синих Холмов.

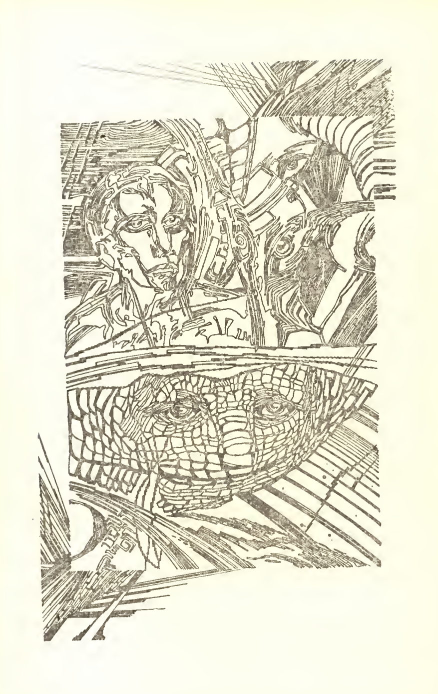
— Но мне туда нельзя!

— Запрета на твое перемещение в сопровождении члена координационного совета нет. Кроме того, — Лен достала из кармана куртки черный платок; увидев его, Тихомиров вспомнил слова Вайла и улыбнулся, — кроме того, я завяжу тебе глаза. Главное, чтобы юргами не увидели дорогу и то, что по дороге; саму Долину пусть смотрят, они все равно туда попасть не могут. Вот и все. Едем.

— Ты думаешь, надо? — спросил неуверенно Олег...

— Конечно, надо. Самое красивое место на планете. Обязательно надо. Какой же ты будешь шпион, если не увидишь Долину? Едем, вставай.

Тихомиров чувствовал, что она не договаривает, что что-то другое она хотела сказать. «А врать они не умеют», — подумал он.

Глава 8.

Они ехали около часа или чуть больше. Кабина падала вниз, поднималась вверх, стремительно мчалась по горизонтальным тоннелям. Тихомиров чувствовал ускорение по приливам тяжести. За время дороги почти не разговаривали, лишь несколько раз перебросились общими фразами. С темной повязкой на глазах Олег ничего вокруг не мог видеть и отдался потоку мыслей, которые вертелись в основном вокруг одной темы: он — шпион. Новое его положение отдавало трагифарсом и полным отсутствием выхода. Размышления прервала Лен, положившая на его руку свою и сказавшая: «Подъезжаем». Олег удивился, насколько земным показалось ему тепло, повеевшее от женской руки, и задал себе неожиданный вопрос: а как бы поступил он сам, если бы выяснилось, что кто-то из его ближайших знакомых шпион чужой, враждебно настроенной цивилизации?

Кабина остановилась. Лен повела его за руку по какой-то лестнице вверх, потом по ровному пологому коридору. Раздался звук открывающейся двери, и Тихомиров понял, что они пришли. Теплый ветер коснулся его лица; ветер, которого так не хватало в подземелье; ветер, который там, на стерилизованной поверхности, гасился пластиком шлемофона. Он вдруг понял, что главное ощущение, которого не хватает всем астролетчикам в бесконечно длительных перелетах — это ощущение ветра. Порывы теплого ветра, то сильные, то еле уловимые, своими прикосновениями отодвинули на задний план все его мысли. И еще, что сразу ощутил Олег, — бескрайний океан солнечного света и звуки. Это были не машинные звуки подземелья, не космические шорохи корабельных переборок, это были звуки жизни.

Лен хотела снять повязку с глаз, но он остановил ее жестом, вслушиваясь в непередаваемую, неповторимую звуковую палитру жизни. Олегу почудилось, что он слышит какую-то мелодию, вплетенную в колдовскую гармонию птичьего щебета, далеких детских голосов, шелеста трав и отзвуков эха — словно грани кристалла поворачивались неспешно в лучах света, переливаясь неповторимой игрой оттенков.

— Лен, — сказал тихо Олег, боясь спугнуть наваждение, — я слышу... мне кажется... Я слышу какую-то музыку. Это не галлюцинации, Лен? Я не схожу с ума?

Лен сняла повязку, и Тихомиров увидел на ее лице странное выражение.

— Нет, — сказала она с некоторой нерешительностью, — ты не похож на сумасшедшего, однако... — она не договорила фразу. — Вот, смотри, Долина Синих Холмов.

Олег задержал взгляд на ее лице, ставшем совсем другим, не лицом деловой женщины, а смягчившимся, с легким румянцем на щеках, с мимолетной улыбкой, с этими неземными глазами, испускающими глубокий сиреневый свет. Что-то сейчас произошло. Что и почему, Олег не смог уловить, словно исчез невидимый барьер, до того окружавший его. Олег повернулся к долине.

В окружении устремленных ввысь горных пиков перед ним расстилалась большая, почти правильной круглой формы впадина, покрытая невысокими, заросшими лесом холмами. С площадки вниз вел спуск—извивающаяся и теряющаяся в траве тропинка, разбегающаяся внизу на множество тропок. Лес сливался у противоположного края долины в сплошной массив, и отсюда, сверху, была видна зеркальная гладь лесного озера, прячущегося в самой его глубине. Олег будто через синий светофильтр смотрел — вокруг царствовали вероятные и невероятные оттенки синего цвета, а высоко над пиками гор пылало голубое солнце.

Они начали спускаться. Тропинка сделала неожиданный поворот, огибая выступ скалы, и Олег увидел поднимающуюся навстречу группу детей. Он весь сжался, готовясь к неприятному. Лен словно почувствовала это, взяла его руку в свою и слегка сжала. Дети поравнялись с ними, поздоровались с Лен и с ним и, смеясь, как ни в чем не бывало пошли друг за другом вверх по тропинке.

Чтобы как-то скрыть свою неловкость, Тихомиров сделал вид, будто заинтересовался похожими на шелковистые нити травинками, поводил ладонью по траве, удивляясь ее легким, пушистым прикосновениям.

— Пойдем вон к тому холму, — сказала Лен. — Я тебе хочу что-то показать. Сегодня как раз детский день, сегодня здесь очень много детей.

— У вас здесь как-то... ну, очередность для посещений какая-то, да? — спросил Олег, вновь прислушиваясь к звукам, пытаясь отделить от прочих один промелькнувший и показавшийся знакомым мелодический момент. Но мелодия, становясь то тише, то чуть громче, оставалась неуловимой.

Они продолжили путь.

— У нас жесткий график посещений. Ты же знаешь, это единственное уцелевшее место на всей планете. День для детей, следующий — для взрослых. Каждому лину дается лишь один день в году, чтобы побывать здесь.

Тихомиров сделал еще несколько шагов и остановился. Лен тоже остановилась, вопросительно глядя на него.

— Как ты сказала? Каждому лишь один день в году? — обидная мысль обожгла его.

— Да. Иначе нельзя. Нас же много...

— Тогда почему?.. — Олег понял, о чем не договорила в его комнате Лен. — Для меня, похоже, сделали исключение, да?

— О чем ты говоришь, Олег?

— Да что, мне все понятно. Для шпиона сделали исключение. Верно? И главное, в тот момент, когда выясняется, что он шпион, его приглашают на пленер полюбоваться красотами, посмотреть, как резвятся ребятишки на траве...

— Перестань, Олег!

— Что перестань?! Я все понял — вы же меня за человека не считаете, вы специально эту экскурсию... дабы пробудить во мне еще оставшееся, неатрофировавшееся: мол, сжалься над нами, смягчи свое окаменевшее сердце!.. Так, что ли? Я не прав?!

— Олег!

— Что Олег? Я всю жизнь Олег, с самого рождения, и с самого рождения я человек, человек с планеты Земля! Понятно? Так и передай своим слово в слово, — он развернулся и быстро пошел вверх к выходу из долины.

— Олег! — позвала Лен. — Олег, подожди!

Но он не обернулся. На площадке у двери он остановился, дожидаясь, когда поднимется Лен. Услышав ее торопливые шаги, не оглядываясь, не желая ни на что смотреть, Тихомиров сказал:

— Я еду домой. Где твой платок? Завязывай глаза, — и с горечью подумал, что дом его совсем не здесь. — Вези меня.

Лен завязала ему глаза, раздался шорох открывающейся двери, и он шагнул в прохладу тоннеля.

На пороге своей комнаты, когда повязка была снята, стараясь не встретиться с Лен взглядом, Олег сказал:

— Я хочу побыть один. Я имею такую возможность, чтобы хоть одну неделю меня не беспокоили? Я сам дам знать, когда сочту нужным.

Лен, ничего не ответив, вышла, закрыв за собой дверь.

Олег прошел к столу, сел на диван и тут же встал — в углу комнаты стоял шкаф, которого раньше не было. Открыв его дверцу, Тихомиров присвистнул. В шкафу висел скафандр высшей защиты с его личным номером «28» на нагрудной бляхе; у боковой стенки стволом вверх стоял прислоненный бампуль. Убедившись, что магазин бампуля полон, Олег поставил его назад, закрыл шкаф, и тут только почувствовал, насколько он сегодня устал. Ни о чем не хотелось думать, в голове безостановочно крутилась какая-то мелодия. Олег лег, закрыл глаза и тотчас заснул.

Глава 9.

Когда он проснулся, было шесть часов вечера. Голова гудела — явное переутомление. «Как я устал»,—подумал он, откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и постарался отвлечься, вспомнить Землю, своих ребят. Вспомнилась развеселая песня о Старом Шкипере. Мелодия, разделившись на множество самостоятельных, стала совершенно неузнаваемой. Почему-то перед глазами возник незнакомый пейзаж: небольшая бухта, отгороженная от океана кольцом береговых скал. В самом центре выхода из бухты, словно нарочно преграждая путь судам, возвышался над водой невысокий островок — скала с одинокой сосной. Наверное потому, что весь пейзаж был выполнен в черном и белом цвете, Тихомиров решил, что он рассматривает картину. Олег восхитился высочайшей технике художника, но тут его внимание привлек яркий белый блик за стволом сосны — художнику поразительно удался цветопереход от черного к белому. Тихомиров приблизил сосну к своим глазам, заглянул за ствол и вздрогнул, вновь оказавшись в своей комнате... В комнате стоял космонавт в белом земном скафандре высшей защиты; опущенное забрало светофильтра не давало разглядеть лица гостя. Олег непроизвольно перевел взгляд на нагрудную номерную бляху и оторопел: номер на бляхе был его личным номером — 28. Олег вскочил с дивана, стараясь совладать с нахлынувшим волнением.

Тот, кто был в скафандре, не произнеся ни слова, поднял руку и указал на новый шкаф в углу. Тихомиров, продолжая недоумевать, открыл дверцу. Его скафандр висел на своем месте. Гость жестом указал на скафандр и повернулся в полоборота к двери, как бы приглашая следовать за собой.

«Может быть, координаторы что-то новое затеяли?» — подумал Тихомиров и, пожав плечами, начал одеваться. Гость терпеливо ждал. Тихомиров бросил случайный взгляд на бампуль, стоявший в углу шкафа, посмотрел на гостя и взял оружие. Гость, похоже, не возражал. На спине у визитера стволом вниз тоже висел бампуль; белые искры стекали по стволу, срывались и, не достигнув пола, таяли в воздухе. Гость сделал нетерпеливый жест рукой, приглашая следовать за собой, они пошли по опоясывающему здание коридору подземного сообщения. Неизвестный шел молча, не оглядываясь. Тихомиров шагал следом, сохраняя дистанцию в два шага и неотрывно смотрел на искры, срывающиеся со ствола бампуля.

Вокруг куда-то спешили лины, они с плохо скрываемым любопытством смотрели на Олега. Он вспомнил о своем шпионстве и опустил щиток светофильтра, отрегулировав плотность затемнения до приемлемого уровня.

Гость свернул в незнакомый боковой проход в скале, за поворотом начался подъем. Олег не знал этой дороги. Город остался за скалистыми стенами.

Неожиданно идущий впереди распахнул дверь в стене, и они очутились на крохотной площадке в стволе шахты. Тихомиров посмотрел вниз, но ничего там не увидел, кроме белого светового пятна.

Неизвестный тем временем пошел по ажурному мостику, пересекающему по хорде шахтный ствол. Олег шагнул за ним. Они пересекли ствол, и гость по скобам стал подниматься вверх.

Тихомирову подумалось, что, видимо, это тот самый мостик, который высветила ракета, прикинул, сколько осталось до поверхности. «Зачем мы идем на поверхность?»—подумал он, но, отмахнувшись от тревожной мысли, пытаясь подпевать крутившейся в голове мелодии, стал карабкаться вслед за своим ведущим.

Подъем занял полтора часа, ночное небо смотрело в шахту, и Тихомиров, изрядно уставший, все проклял. Человек в скафандре, опережавший его метра на четыре, перевалился через чернеющий в вышине край, Олег поторопился за ним. Выбравшись на бордюр, он огляделся.

Над планетой стояла ночь, в безоблачном небе ярко горели неземные созвездия и две маленькие Луны. На площади никого не было. Темные квадраты домов с резко очерченными контурами безмолвно обступали ее, отбрасывая длинные черные тени.

«Где же он?» — подумал Тихомиров и спрыгнул с бордюра. Звонкий лязг, словно в кованых сапогах прыгнули на лист жести, разорвал тишину и эхом унесся по улицам мертвого города. Вздрогнув от неожиданности, Олег замер, боясь пошевелиться. «Ну и ну! — сказал он себе. — С таким эхом можно любого заикой сделать». Он стал внимательно вглядываться в дома. Навязчивая мелодия продолжала бессмысленно повторяться в голове. Куда теперь идти и что делать? Не может быть, чтобы странный гость в земном скафандре с его же, тихомировским, номером затеял эту прогулку ради праздного времяпровождения. Нет, неспроста его сюда привели и сейчас надо ждать или нападения, или чего-нибудь еще. Только вот вопрос: сколько ждать? Тихомиров скользил глазами по фасадам стоявших вокруг домов, один из них привлек внимание. Этот дом был с дверью, единственный на площади дом, у которого имелась покрытая изысканной, отблескивающей в свете Лун, витиеватой резьбой дверь.

«Ну вот, наконец-то! Нам, наверное, сюда», — подумал Тихомиров. Оглядываясь по сторонам и держа наготове бампуль, он направился к дому. Каждый его шаг сопровождался звонким и

резким, словно близкий выстрел, звуком, долго не затухающим в развалинах. Сердце колотилось в груди. Несмотря на включенный внутренний обдув скафандра, одежда промокла от пота.

Олег остановился напротив двери. Что там, за дверью? Сдул повисшую на кончике носа каплю пота, свободной рукой толкнул дверь и отскочил на всякий случай в сторону. Дверь беззвучно распахнулась, и никто из-за нее не выпрыгнул, не выстрелил. В помещении сразу от порога клубился белый, плотный туман и ничего невозможно было разглядеть.

«Не возвращаться же назад, — подумал Тихомиров. — Была не была!» Чуть помедлив, он шагнул через порог и остановился. Ничего не происходило. Олег оглянулся. Вокруг был один туман, дверь исчезла. Олег подавил поднимающийся внутри холодок страха и стал всматриваться в то, что его окружало.

После включения инфракрасного локатора на стекле шлемофона зазмеились какие-то полосы, росчерки, но трудно было что-либо понять в беспорядочном мельтешении цветовых пятен. Пришлось выключить локатор. Вокруг опять плотной стеной встал туман. Тихомиров поднял бампуль, выставил самую слабую мощность излучения, но максимально широко развернул угол поражения и нажал спуск. Луч ударил в туман, и туман заклубился, стал стягиваться к лучу, свиваясь в жгуты, в спирали.

— Если ты меня ищешь, человек с планеты Земля, то я здесь,— сказали несколько голосов одновременно.

Олег, вздрогнув от неожиданности, обернулся, ища тех, кто говорил, держа бампуль на вытянутой руке перед собой. Туман потянулся вслед за лучом бампуля. Какие-то высокие, под потолок, клочковатые, расплывчатые тени метнулись в стороны, оседая, как сугробы грязного весеннего снега.

— Я здесь, я здесь, я здесь... — неслось с разных сторон. Олег завертелся волчком, машинально, словно фонарь, наводя бампуль на голоса. Тени таяли, возникали вновь и вновь растворялись во взбаломученном лучом бампуля тумане.

— Ты меня искал? Ты меня искал? Ты меня искал? — спрашивали голоса со всех сторон, спрашивали, становясь все выше и выше, будто увеличивалась скорость воспроизведения звука.

Внезапно прямо из тумана перед Тихомировым возник небольшой зеленый конус. Он метнулся к выставленному Олегом впереди себя бампулю, коснулся его вершиной, и бампуль взорвался. Тихомирова бросило взрывом на пол. Заныло, зажгло в плече — что-то случилось с рукой; благо, что скафандр успел среагировать на взрыв, могло быть и хуже.

— Это я правильно сделал, это я правильно сделал, это я правильно сделал, — зазвучали голоса, спускаясь на низкие ноты, тени стали выше и плотнее.

Тихомиров, скрипя зубами, придерживая немеющую руку, поднялся на ноги. Тени, колыхаясь, как лохмотья на ветру, подступили ближе, и вдруг заговорил один низкий, рокочущий голос:

— Ты искал меня? Я здесь. Твой аппарат помешал бы нам разговаривать, поэтому он уничтожен. Тебя я тоже могу уничтожить. Уничтожу в следующий раз.

— А почему не сейчас? — спросил, морщась от боли, Олег.

— Могу и сейчас, и вместе с тобой всю биомассу на планете.

— Ну так давайте! Какого черта тянуть! — Олега взбесила самоуверенность, с которой было сделано заявление.

— Всему свое время. Я позволю тебе вернуться, чтобы ты передал всем остальным...

— Я хотел бы задать несколько вопросов, — перебил Олег голос. — Можно, я спрошу, потом выслушаю все наставления и уйду?

Секунду стояла тишина, лишь беззвучно колыхались серые тени в толще тумана.

— Можно, — ответил голос. — Спрашивай.

— Кто вы? Кто со мной разговаривает?

— Какая тебе разница, кто я? Я — Великий Единый Мозг, созданный теми, кого местные биообъекты называют юргами, созданный для управления блокадной сферой. Хотя название юргами не имеет смысла.

— Откуда ты пришел?

— Я ниоткуда не приходил, я появился здесь.

— Откуда пришли юргами?

— Они еще не пришли, они лишь готовят этот мир для своего прихода.

— Откуда они придут, когда приготовления закончатся?

— Из теневого мира.

— Да, я вижу какие-то тени вокруг...

— Не придирайся к словам, тем более, словам своего же языка, который примитивен.

— Они придут из антимира?

— Нет. Мир и антимир — это единое целое, это ваша Вселенная. Теневой мир находится за ее пределами. Вселенные, похожие и не похожие на вашу, взвешены в нем наподобие пузырьков пара в воде. Теневой мир беспределен, он всюду. Давно уже пробивался барьер, готовился туннель; биообъекты с этой планеты сами помогли нам, пытаясь выйти за физические пределы собственной Вселенной.

— И в благодарность за это вы их теперь методично уничтожаете?

— Что такое благодарность?

— Это ответное, положительное чувство за что-то сделанное, за добро...

— Я понял, — сказал голос. — Если пользоваться твоими оценочными критериями — спасибо камню за то, что он камень; спасибо глупцу за то, что он глупец, а не мудрец. Это ты имеешь в виду?

— Но при чем здесь жители планеты Лип? За что их уничтожать?

— Их уничтожают не за что-то, просто планета находится на пути луча распространения.

— Тогда зачем людей выводят на поверхность?

— Выводят те, кого я направляю. Они снимают с мозга копию энергоструктуры, которую я в дальнейшем адаптирую, исходя из необходимости, остальное расщепляется на составляющие.

— Для чего тебе энергоструктуры мозга?

— Чтобы разговаривать с тобой, с другими. Я сам не могу контактировать с биомассой, но контакт иногда необходим. То, что ты видишь вокруг себя — энергоструктуры в работе, это Единый Мозг, это — Я. Основная моя задача — поддержание в этой Вселенной сферы блокады вокруг луча распространения. Когда луч развернется, во мне отпадает надобность, и я через стадию хаоса вернусь к новому порядку самоорганизации в структурах. А теперь смотри, — сказал голос.

Перед Тихомировым словно распахнулось окно в космос. Под ним расстилалась закрытая фиолетовыми облаками планета. И вдруг он увидел, как сквозь пелену облаков прорвалось стальное цилиндрическое тело — это был корабль липов, Олег сразу узнал его. Вокруг корабля крутилось пять или шесть зеленых конусов. Корабль, видимо, старался оторваться от них, включая то маршевые, то вспомогательные, но вот что-то произошло, и двигатели больше не включались. Вращение конусов слилось в единое зеленое кольцо, полыхнула яркая вспышка, и белое облако пара — все, что осталось от корабля — растаяло в черной пустоте.

— Так я пресек попытку вырваться из зоны проникновения, — сказал голос. — Очень похожим образом я посадил твой корабль. Когда вернешься, передай, чтобы выходили добровольно, мне не нужен мертвый мозг с погашенной энергоструктурой, мне нужен живой мозг... Поскольку блокадная сфера расширяется, необходимо увеличение объема Единого Мозга. Расширение займет определенное количество времени, пока не будут достигнуты физические пределы вашей Вселенной. А теперь уходи.

— Куда уходить? — спросил Олег, озираясь.

— Прямо, — ответил голос, и перед Олегом в стене тумана образовался прямой высокий коридор, в конце которого виднелись украшенные витиеватой резьбой, распахнутые двери.

— Еще один вопрос. Монстр, который выводит людей на поверхность, что или кто он?

— Какой? Этот? Этот? Этот? — в тумане материализовались и растворялись чудища один другого отвратительнее. — Как ви-

дишь, их много. Это гипертрофированная память, вернее, что-то вроде наследственной памяти энергоструктур, ее остатки после радикальных необратимых перестроек. Вот эту остаточную материализованную память я и отправляю в подземелья.

— Ясно, — сказал Тихомиров и направился к выходу. Он был потрясен информацией, которую получил. В голове продолжала крутиться нелепая музыка, и он вдруг остановился.

— Я хочу еще спросить, — сказал он.

— Зачем?

— Я хочу просто знать, для себя. Как я понял, тебе известно, кто я?

— Да, я знаю, кто ты и откуда явился.

— Почему я остался в живых?

— Потому, что я не могу сделать своим соглядатаем лина — к вернувшемуся не будет полного доверия. А ты — другое дело, тебе сразу поверили, тебе все показали, и еще многое я надеюсь узнать с твоей помощью.

— Но лины обо всем догадались!

— Пусть. Им нужна твоя помощь, а чтобы ты смог помочь, тебе надо многое узнать. У них нет выхода.

Тихомиров понял, о чем ему надо спросить.

— Если ты — мозг, ты, следовательно, не можешь существовать сам по себе?

— Конечно. Юргами.

— Мозги обычно к чему-нибудь надо приложить. Если я не могу увидеть юргами... Кстати, почему я их не могу увидеть?

— Для этого надо перестроить вашу Вселенную. Этим я и занимаюсь.

— Чем, конкретно?

— Разрушаю стремящиеся к самоорганизации структуры до первичного состояния, до хаоса, чтобы затем запустить процесс организации уже на других принципах, на других основаниях.

— Как я понял, ты — просто мозг и сам не можешь этого делать.

— Конечно. Я управляю этим процессом.

— Я могу увидеть то, чем ты управляешь?

— Для меня нет ничего невозможного.

Туман сгустился, и Олег вдруг почувствовал, что теряет контроль над собственным телом, перестал ощущать его, будто погрузился в гипнотический транс. Туман исчез, и осталась темнота. Словно жалюзи поднялись перед ним, ушли вверх, и в глаза бросились оранжевые круги. Вскоре Олег понял, что он летит по какому-то черному тоннелю или трубе, а оранжевые круги стремительно мчащиеся навстречу, зрительная опора для ориентации. Откуда-то появилась уверенность, что тоннель направлен вниз. По-

лет закончился неожиданно, тоннель исчез, и Олег повис в пространстве, заполненном фиолетовыми всполохами и пятнами. Вскоре в этом фиолетовом океане сконцентрировались два основных цвета — яркий, бело-фиолетовый и темно-фиолетовый, которые сплетались, взаимонакладывались клубясь, но не перемешиваясь, будто шла между ними борьба за пространство. Мысли, до того вяло ползущие в сознании, замерли, и Олег испугался, подумав, что он останется здесь. Лишь мелодия, далеко-далеко звучащая, была связующей нитью с тем, оставленным миром. Появилось ощущение невозможности вернуться назад. Олег сконцентрировал внимание на звуках мелодии, и вдруг опять оказался летящим в тоннеле; теперь тоннель вел вверх.

«Вверх, вверх, ну еще»,—подумал Олег, чувствуя, как возвращается в себя, как начинает ощущать собственное тело...

Олег открыл глаза. Над ним склонилась Лен и смотрела на него. Олег перевел взгляд с ее лица на стоящего рядом человека — это был доктор Моас.

Тихомиров поднялся. Он был в своей комнате. За столом сидел первый координатор Олн, немного в стороне стоял Вайл.

— Где я?! — спросил Олег, не веря своим глазам.

— Ты у себя в комнате, Олег, — ответила Лен.

— А?.. А сколько?.. Подождите! — воскликнул Тихомиров. — Я же...

— Мы и хотели бы узнать, что произошло, — сказал Олн.

Тихомиров оглядел себя. Он был без скафандра. Посмотрел на шкаф, шкаф был закрыт.

— Я же был в скафандре?!

— Да, ты его снял и повесил в шкаф, а потом лег на диван... И вот только сейчас... — голос Лен задрожал.

— По законам нашей планеты, мы не имеем права считывать информацию в памяти человека, если человек жив и не дал на это согласие, — сказал Олн. — Потому мы ждали, пока вы придете в себя.

— Подождите! — с нетерпением воскликнул Тихомиров. — Я же не возвращался сюда!

— Вы полтора часа как вернулись, — сказал Вайл.

— А сколько времени сейчас?

— Около десяти часов утра, — сказал Моас, почему-то пощупал у него пульс и пожал плечами.

— Вы хоть что-нибудь помните? — спросил Олн.

— Не спешите с вопросами, — поднял руку Моас. — Дайте ему время прийти в себя.

— Сколько вам надо времени, Олег Павлович? — спросил Олн.

Тихомиров пожал плечами:

— Я вообще-то нормально себя чувствую...

— Часа хватит,— сказал Моас.

— Вот и хорошо. Через час мы к вам придем. Я пока оповещу координаторов. Вы не станете протестовать, если мы заглянем в вашу память?

— Я не только не протестую, я настаиваю, чтобы вы... просветили мои мозги, я сам хочу еще раз все это посмотреть...— Тихомиров обвел всех взглядом.— Да, ребята, вы не представляете, какие новости вас ожидают.

Оли поднялся и пошел к двери. Все пошли за ним. Последним вышел доктор. Он оглянулся, ободряюще улыбнулся:

— Твоя рука совсем зажила,— сказал он и, кивнув головой, закрыл дверь за собой.

И вдруг из-под дивана донеслось слабое жужжание. У Олега волосы встали дыбом, он, сам не понимая как, оказался стоящим на диване, прижимаясь спиной к стене.

Жужжание усилилось, и из-под дивана вылетел жук-мусорщик. Он довольно заурчал и по-хозяйски направился под стол.

— Фу ты,— вздохнул облегченно Тихомиров.

Глава 10.

Наступившее молчание прервал Вайл:

— Значит, предположение о том, что вы, Олег Павлович, шпион, подтверждается.

— По-моему, дело не совсем в этом,— Оли бросил неодобрительный взгляд в сторону Вайла.

— Почему же не в этом, первый координатор? Почему? Разве вам мало того, что мы все попали в западню. То, что говорил Единый Мозг Тихомирову, совпадает с происходящим в малейших деталях.

— Кроме двойника,— сказал, глядя себе на кончики пальцев, Ниер.— Двойника никто не видел, все видели одного Тихомирова...

— Как так, никто не видел?! — воскликнул Олег.

— Очень просто,— Ниер перестал рассматривать свои пальцы. — Вы выбирались из шахты один и совершенно не реагировали на обращения к вам патрульных служб. В конце концов, мы решили, что вы таким образом собираетесь покончить с собой. Двойника мы увидели только сейчас,— Ниер кивнул на укладываемый доктором Моасом в контейнер треножник прибора.

Тихомиров пожал плечами:

— Я не знаю, как можно доказывать... Если не верить тому, что показала память?.. Хотя вот — двойник вывел меня в шахту дорогой, которой я ни разу не ходил. Как бы я смог попасть на верхний уровень шахты, если я там никогда не был?

Вайл в свою очередь пожал плечами.

Моас, продолжая упаковывать аппаратуру, исподлобья посмотрел на Тихомирова:

— Наведенная галлюцинация.

— Может быть и так, но тогда монстр, спускавшийся в шахту, тоже наведенная галлюцинация? А ведь я видел, как Единый Мозг их создает.

— Мне кажется, — сказал Олн, — мы уходим от главного. Ведь мы узнали, что самих юргами на планете нет.

— Кому от этого легче? — спросил Вайл. — Предположение о вторжении подтверждается полностью. К тому же, как выяснилось, вторжение осуществляют, я бы сказал, чудовищные силы, чудовищный враг, с которым у нас просто нет средств бороться. Разве не так? Я, знаете ли, смотрел и думал: ну хорошо, подпространственный или внепространственный, или еще какой угодно тоннель — здесь понятно, как с любым тоннелем. А вот куда он выводит? Что за процесс позволили наблюдать Тихомирову? Где все это происходит или происходило?

— Еще надо добавить существенный момент, — сказал Ниер.— Зло, которое этот враг творит, в его понимании совсем не является злом, и это самое страшное. По-моему, юргами — не гуманоидная цивилизация. Наши отношения с ними похожи на ползанье муравья по скале: они — скала, а мы — муравей; они сами по себе, мы сами по себе. Ни в одной из сфер деятельности между нами нет общих точек соприкосновения...

— Кроме одной, — сказал Олн.

— Что вы имеете в виду? — не понял первого координатора Ниер.

— Я имею в виду нашу с вами планету. Может быть, благо для нас, что мы не имеем дело с самими юргами.

— Подождите, — сказал Тихомиров, — у меня появилась мысль. Ниер сейчас только что сказал о муравье и скале, а если представить такую ситуацию. Предположим, вы — проходчики, пробиваете в скале тоннель. Сначала все идет нормально, проходчики углубляются в скалу, уничтожая все под ножом врубочного комбайна. Но вот происходит обвал. Вы устраняете обломки, осыпавшуюся породу и пробиваетесь дальше. Но откуда-то хлынула вода, хотя водоносных горизонтов рядом не предвиделось. Вы боретесь с водой, а тут опять обвал, или порода пошла очень прочная, и приходится применять плазменные горелки; и чем дальше, тем сложнее пробиваться, будто скала сама начинает сопротивляться... Теперь поставьте юргами на место проходчиков, а себя на место скалы...

— Ну и что? — хмыкнул Вайл.

— А то, что если мы уничтожим Единый Мозг — он же врубочный комбайн — «проходка» остановится.

— Но его опять восстановят, — сказал Ниер.

— А мы опять уничтожим, и так раз за разом, и, возможно, юргами повернут обратно,— Тихомиров улыбнулся.— Мы ведь настырные.
— В концепции Тихомирова действительно есть какой-то смысл,— твердо сказал Вайл.— Олег, у вас светлая голова.

«Да-да, конечно,— светлая голова,— подумал Тихомиров.— С тобой поседеешь: то шпион, то еще что-нибудь!»
— Нет, это действительно шанс,— продолжал Вайл.— Дело даже не в том, что Мозг восстановят снова. Блокада на некоторое время перестанет существовать, и мы сможем запустить космический корабль и известить землян.

Все заговорили одновременно; никто никого не слушал, каждый доказывал другому свою правоту, предлагал, на его взгляд, самые действенные методы. Начался бессмысленный спор, переходящий в бесконечную говорильню с сорвавшимися до хрипоты голосами, с лихорадочно сверкающими глазами.

Олн, молчаливо наблюдавший за спорщиками, сказал не скрывая иронии:
— Активнее, друзья мои, активнее! Тщательно продумайте операцию по уничтожению Единого Мозга, взвесьте каждую мелочь, рассчитайте каждый шаг, но учтите одно — каждый наш шаг будет тотчас известен противнику...

Все одновременно замолчали и повернулись к Тихомирову.
В этот момент на руке первого координатора замигал браслет связи.
— Я слушаю,— сказал Олн.
— Говорит диспетчер главного поста контроля за поверхностью. Только что зарегистрированы мощные всплески-импульсы на волне радиоизлучения водорода. Предположительно источник сигналов находится вне сферы блокады на расстоянии трех астрономических единиц от ее внешней границы.

У Тихомирова от предчувствия засосало под ложечкой.
— Импульсы поддаются расшифровке? — спросил Олн.
— Мы еще не приступали к расшифровке,— ответил диспетчер.
— А можно их послушать? — попросил Тихомиров.
— Диспетчер, переведите трансляцию на мой браслет,— сказал первый координатор.

Наступила тишина, все замерли, и вот в комнате сквозь шорох и треск разрядов раздались отчетливые, похожие на звон капели, звуки, то короткие, то длинные.
— Это же морзе! — прошептал Олег и закричал: — Это же азбука Морзе! Это же моя фамилия, слышите! Это меня ищут! Это Земля! Наши!!!
— Диспетчер, вы записали сигналы? — спросил Олн.

— Да зачем их записывать! — ликовал Олег. — Это автомат на крейсере! Он в автоматическом режиме излучения! Он сейчас на весь космос одно и то же повторяет, железяка бронзовая!..

Олн отключил браслет. Все, не скрывая радости, улыбались.
— Свершилось, — сказал первый координатор, — помощь близка. Я всех поздравляю.

Неожиданно Вайл замахал руками.
— Стойте-стойте! Вы что?
— Как что? — удивился Ниер.
— Вы что, не понимаете, что происходит? Земляне ничего не знают о блокадной сфере, они ничего не подозревают. Вы представляете, что произойдет, если они войдут в блокадную сферу?

Все разом замолчали.
— Нда-а, — Тихомиров почесал затылок. — А предупредить никак нельзя?
Вайл, поморщив нос, посмотрел на Тихомирова.
— Вы же знаете, что из сферы во вне не поступает ни один сигнал, только извне в сферу.
— А что делать? — спросил Ниер.
— Минуту внимания, — сказал Олн. — Давайте суммировать имеющиеся у нас факты. Первое — мы установили, что на поверхности работает Мозг. Второе — поисковая экспедиция землян приближается к блокадной сфере и пока находится на расстоянии трех астрономических единиц от ее внешнего края. То есть... — Олн что-то в уме подсчитал, — по самым грубым подсчетам через сутки они этого края достигнут. Значит: нам необходимо уничтожить Единый Мозг, но на подготовку операции у нас остается... да и на саму операцию — меньше суток. Я немедленно распоряжусь рассчитать реальное время, отпущенное нам. Но в любом случае я даю только шесть часов, только шесть часов, — повторил Олн, — на подготовку «Тарантулов» и экипировку добровольцев. А также мы должны немедленно приступить к разработке плана операции.
— Я поведу людей, — сказал Тихомиров. — Я единственный знаком с реальной обстановкой.

Первый координатор отрицательно покачал головой:
— Нет, нет и нет, Олег Павлович.
— Но почему?!
— Вы забыли, что являетесь шпионом? Вы хотите, чтобы Единый Мозг был заранее посвящен во все тонкости нашего плана? И, в конце концов, на всей нашей цивилизации лежит ответственность за вашу жизнь.

Тихомиров крякнул с досады.
Олн засмеялся:
— Самое большее, на что вы можете рассчитывать... Я даже не знаю, на что вы можете рассчитывать, Олег Павлович.

Все ушли. Тихомиров завалился на диван и начал проклинать свою шпионскую судьбу. Но чувство гордости за своих ребят не оставляло его. Он знал, что после его исчезновения вся служба ГКР встанет вверх тормашками, и даже невзирая на рассчетное время ресурсов жизнеобеспечения корабля, три года люди и автоматы будут вести поиски останков. Однако западня, в которую могут угодить земляне — западня страшная. Погибнет или исчезнет несколько кораблей ГКР, и тогда Земля всей своей мощью обрушится на этот сектор космоса. Но зачем такие жертвы? Даже ради него, Тихомирова, такие жертвы не допустимы. Тут надо что-то делать. Наверняка Олн поднимет из шахты все сто «Тарантулов» и погонит их на этот дом. И что будет? Опять кровавое месиво? Возможно, лины и пробьются к Мозгу ценой диких жертв, но смогут ли они уничтожить Мозг? Мозг — всего лишь машина, умеющая думать машина. Если на такой машине разбить пульт управления?.. Смотря как разбить, а то можно и так, что машина будет продолжать работать, но уже неуправляемая... и таких дел наворочает. Тут надо не столько уничтожить Мозг, сколько остановить процесс...

Открылась дверь, и вошла Лен.

— Олег, я к тебе, — она улыбнулась. — О чем думаешь, шпион?

— Да ни о чем конкретно, в общем, обо всем. И об операции, и вот о тебе немножко...

— Даже обо мне?

— Конечно! А как же? Ты ведь даже не представляешь, какие у тебя глаза по сравнению с глазами земных девушек. Ты не представляешь, что будет с нашими парнями, когда они прорвутся... и увидят твои глаза, они же с ума посходят.

Лен опустилась на диван рядом с Олегом, застенчиво улыбнулась:

— Ты мне ни разу не рассказывал, какие на Земле... ну, какие у вас обычаи, как вы за девушками ухаживаете...

— Да что рассказывать? — Олег пожал плечами. — Обыкновенно ухаживаем, как и все люди.

— Ты, Олег, никогда не говорил... — Лен помолчала. — У тебя на Земле есть девушка?

Олег удивленно посмотрел на Лен. «Женщины везде одинаковы, — подумал он, — и разговоры у них, как всегда, не к месту и не по теме».

— Я ведь гэкаэровец, у меня никого нет.

— Что означает — гэкаэровец?

— Глубокая Космическая Разведка.

— Ну и что такое, что глубокая? Вы разве не имеете права жениться?

— Да что ты! Кто нам запретит? Это неписанный закон в нашей службе. Человек уходит в глубокий космос, никогда точно не

зная, на сколько, и вернется ли — одному богу известно. Зачем же на Земле горе оставлять? Это уже когда выходят на пенсию...

— Что такое пенсия?

— Заслуженный отдых. Стукнет мне сто семьдесят лет, снимут меня на Землю, вот тогда я и найду себе старушку... если найду, — Олег хлопнул ладонями по коленям. — Эх, не о том мы говорим, Лен. Ты слышала когда-нибудь «Песню о Старом Шкипере»? — и, не дожидаясь ответа, Олег заорал во все горло:

Мечтает Старый наш Шкипер
Опять к звездам подняться,
Опять в пространстве шататься
На стареньком корабле!..

Вдруг он резко замолчал, уставившись на дверь.

Дверь медленно открывалась, в щель было видно, что кто-то пытается открыть ее снизу, копошась и странно пыхтя. Лен перехватила взгляд Тихомирова и тоже посмотрела на дверь.

— Что это? — спросила она.

Наконец дверь распахнулась, и в комнату, радостно жужжа, влетел жук-мусорщик.

— А-а, чтоб тебя! — Тихомиров вскочил с дивана и бросился на мусорщика.

Тот ловко увернулся от его рук и пулей вылетел из комнаты. Лен звонко рассмеялась.

Тихомиров плотнее прикрыл дверь.

— Олег, я думала, ты сейчас его загрызешь. Зачем ты его так перепугал?

— Ты понимаешь, Лен, повадился ко мне этот стервятник, не могу от него избавиться... Такую песню помешал спеть, — Олег замолчал и посмотрел на Лен. Неясная мысль мелькнула в его голове. Туманная догадка о том, что надо сделать, чтобы операция прошла без потерь, начинала оформляться из разрозненных осколков, как мозаика. Но надо было эту мысль проверить и проверить немедленно.

— Сколько времени, Лен?

— Что случилось? Половина второго.

— Та-ак, полтора часа прошло, осталось четыре с половиной, а я тут песни пою. Тебя специально прислали меня заговаривать?

— Ты что, Олег?

— Лен, немедленно, сейчас же свяжись с Олном, сейчас же. Мне надо срочно в Долину Синих Холмов.

Глава 11.

Лен остановилась, и Тихомиров остановился тоже. Он почувствовал, как ее пальцы прикоснулись к его голове, распутывая узел платка.

— Подожди, не развязывай, — попросил он. — Я хочу послушать.

Раздался легкий шорох открывающейся двери, и порыв ветра коснулся его лица. Олег кожей почувствовал солнечный свет, и звуки, лавина звуков накрыла его с головой.

— Мы будем вниз спускаться? — спросила Лен.

— Подожди, Лен, не разговаривай, ты мне мешаешь.

Он стал слушать. Сначала звуки обрушились лавиной, сплошной хаотической массой, но вскоре слух Тихомирова смог выделить звуки, идентифицировать которые не удавалось; вот это — птичий писк, щебет, переливы; это — людской говор, смех; это—шум ветра, шум лесного массива; а вот это что за звуки? Шумы — не шумы, звон — не звон, словно кто-то с очень сильным придыханием играл на флейте в среднем регистре, и звуки скорее угадывались, ощущались физически, чем воспринимались слухом: как будто исполнитель играл очень далеко, и мелодия смазывалась эхом. Звуки почти сливались с остальными, смешивались и гасились, и вполне возможно, что если бы не повязка на глазах — тогда, в первый раз, и сейчас — перекрывавшая поступление зрительной информации, Тихомиров никогда не обратил бы на эти звуки внимания.

Тихомиров стоял, забыв обо всем, и вслушивался, вслушивался, вслушивался. Он не сомневался, что это была музыка, но как ни старался, не мог зацепиться за какой-нибудь мелодический оборот или акцент, все переливалось, струилось, рассыпалось в многоступенчатую вертикаль созвучий, движение которой абсолютно не предугадывалось. К тому же постоянно отвлекали посторонние звуки: неугомонно щебетали птицы, кто-то проходил мимо и здоровался с Лен, внизу кто-то что-то выкрикивал.

Тихомиров сосредоточился, отсекая все лишнее. Он знал, что даже тренированное сознание музыканта контролирует лишь четыре мелодические линии, не более, остальное проходит на грани фона. Но сейчас не мог выделить и одной линии. Тогда Олег попробовал переключиться на цветовое восприятие звуков, и синие, по краям то голубые, то густо-фиолетовые, но неимоверно насыщенные синим цветом, волнистые ленты заструились перед его внутренним взором нескончаемым переплетающимся потоком. Но все равно, это было не то, не этого ожидал Тихомиров от посещения Долины. С досадой он понял, что бессилен даже сформулировать конкретно свои ожидания, просто одни неясные предчувствия, ничего определенного.

Тихомиров снял повязку с глаз. Яркое солнце заставило его прикрыть глаза рукой. Лен рядом не было. Олег оглянулся. Лен стояла шагах в двадцати на другом краю площадки и с кем-то разговаривала по браслету. Мимо Олега группами и поодиночке торопливо проходили лины, снизу тоже поднималось много линов. Складывалось впечатление, что все вокруг заторопились по срочным делам и решили вернуться домой.

В это время Лен, увидев, что он снял повязку, замахала ему рукой, подзывая к себе. Олег подошел.

— Олн, — говорила Лен, — сейчас я дам ему браслет, — она сняла с руки браслет и передала его Олегу.

— Да, — сказал Олег.

— Олег, — заговорил Олн, — случилось непредвиденное. Видимо, при расчетах допущена ошибка, видимо, эскадра землян уже вошла в сферу блокады... раньше предполагаемого нами срока... Там что-то происходит, наши приборы регистрируют мощные, очень мощные вспышки жесткого излучения, причем в разных секторах космического пространства.

— А поточнее?..

— Если бы наши приборы находились на поверхности, можно было бы и поточнее...

— Извини, Олн, я забылся. Ну так что ты предлагаешь?

— Во-первых, я хотел, чтобы вы, Олег, прибыли сюда, в шахту стартового комплекса. Во-вторых, мы здесь посоветовались, если нам начать операцию немедленно? Как вы думаете — вы же один знаете Мозг — если мы отвлечем часть внимания Мозга на себя?

— По-моему, это большого эффекта не даст, но с двумя противниками бороться труднее, чем с одним. Я сейчас у вас буду.

— Лен рядом с вами?

— Да.

— Передайте ей, пусть объяснит вам обратный маршрут, а сама едет на головной энергонакопитель. Все. Мы вас ждем. За вами зайдет Вайл, — Олн отключился.

— Слышала? — устремляясь с Лен к выходу, спросил Олег. — Отправляй-ка меня домой.

Они выбежали на платформу подземной магистрали. Кабины подходили и отходили одна за одной, унося линов в разных направлениях. Лен перехватила пустую кабину, двери распахнулись, Тихомиров влетел внутрь, Лен за ним следом.

— Я с тобой, — сказала она.

— Лен... — Олег не знал, что ей сказать. — Ты объясни мне код, я сам доберусь, тебя ждут на головном энергонакопителе.

Кабина стояла в ожидании команды отправления. В распахнутую дверь заглядывали лины, но увидев, что кабина занята, извинялись и убегали к другим кабинам.

— Лен, мы мешаем...

Лен, переборов что-то в себе, не глядя на Олега приложила браслет к стене, набрала команду и вышла.

Двери сомкнулись, кабина рванулась в темноту, а Тихомиров спохватился, что едет с незавязанными глазами, но, махнув рукой, решил, что теперь это уже не имеет большого значения. «Теперь мы повоюем», — подумал он.

У себя в комнате Тихомиров, не зная, что делать, присел на диван. Когда придет Вайл, Олн не сказал. Сидеть просто так Тихомиров не мог, поэтому достал из шкафа свой скафандр, сложил его, достал новый, изготовленный накануне, бампуль, проверил наличие зарядов в магазине.

Тихо запел обруч, и над столом возникла голова Олна.

— Вы уже приехали, Олег? Через несколько минут за вами прибудет Вайл. Мы запустили наш космический корабль, чтобы освободить место в шахте и заодно — для отвлекающего маневра. Сейчас будем запускать зонды с «Тарантулов». Сто «Тарантулов» — двести зондов, причем с самыми невероятными траекториями полета. Пусть конусы в догонялки поиграют.

— Неплохо придумано! А если дополнительно использовать и ваши летательные аппараты?

— Здесь много сложностей. Мощность антигравитационных генераторов рассчитана на двухсотметровый максимум высоты... Так что — отпадает... Потом пойдут «Тарантулы».

— С людьми?

— Да, с людьми.

— Послушай, Олн... — Тихомиров старался остановить вдруг понесшиеся галопом мысли. — Ты представляешь, что произойдет?

— Представляю. Я не настолько наивен, как может казаться. Атакой вездеходов мы хотя бы часть конусов оттянем на себя.

— Да ничего вы на «Тарантулы» не оттянете, ни одного конуса, пойми! Мозг выродит очередного монстра-телепата, и не надо будет никаких конусов.

Олн молча смотрел на Тихомирова.

— Разве я не прав? — спросил Олег.

— Вы правы, но у нас нет выхода.

— Да кто тебе это сказал, Олн? На поверхность должен идти я! Ты почему меня не выпускаешь на поверхность? Ведь у моего «Тарантула» тинтониевая броня!

— Но ваша машина подчиняется только вам.

— Вот именно! И не надо ссылаться на мое шпионство. Тебе объяснить, почему я добивался второй поездки в Долину Синих Холмов?

— Не сочтите за труд, Олег Павлович.

— Потому, что мой контакт с Единым Мозгом произошел после первого посещения Долины. И я поехал во второй раз, чтобы убедиться... Ведь эта м-м... темная зона у меня в голове... Через нее получает информацию Единый Мозг, и я чувствую — есть какая-то связь между теми звучаниями, которые я слышал в Долине, и всем впоследствии произошедшим. Совпадение колебаний, резонансные явления, по-моему — так... по-моему — здесь ключ к произошедшему со мной в доме.

— Что вы имеете в виду, говоря «звучания»?

— Я это называю... Мы, земляне, назвали бы это музыкой. Только это не просто музыка, это на несколько порядков выше. Сложный комплекс звуковых колебаний и, может быть, не только звуковых... Я сейчас даже название придумал этому явлению — Синяя Песня Холмов.

— А вы, как я посмотрю, большой романтик, Олег Павлович. И что же? Ваши догадки подтвердились? Вам удалось выясить, в чем дело?

— Нет, мне не удалось выяснить. Не так все просто. Ладно, Олн, возможно, я и ошибаюсь... Только в любом случае на поверхность должен идти я. Я — шпион Единого Мозга. Я — единственный канал информации. Ты бы стал уничтожать свой единственный источник информации?

— Несерьезно все это. Слишком просто.

— Только додуматься трудно, а так — конечно, элементарно. Где-то мы очень серьезны, а где-то легкомысленно теряем время в спорах...

Олн несколько секунд смотрел на Олега, и Олег ничего не мог прочитать в его светящихся карих глазах. «Какие доводы ему еще нужны? — подумал Олег. — Какие доказательства надо привести, чтобы...»

Губы Олна дрогнули:

— Чего ты хочешь?

«Однако! — подумал Тихомиров. — Первый координатор изменил ко мне свое отношение», — и сказал:

— Я хочу... Да я просто считаю, что я должен быть там, наверху...

— Поступай как знаешь, — сказал Олн. — Ответственность за твою жизнь лежит не только на нас, но и на тебе, — Олн отключился.

Похоже, я его так и не убедил, — подумал Тихомиров, глядя на обруч. — Конечно, я понимаю, на подходе наша эскадра, и если со мной что случится... С другой стороны, если мне продолжать отсиживаться в подземелье, никто, ни первый координатор Олн, ни даже сам господь бог не выдаст гарантий на удачный исход штурма... Слишком много во всей этой ситуации политики.

Лины просто обязаны в глазах другой цивилизации отдать несколько сотен — если только сотен — жизней своих соплеменников, но сберечь инопланетянина. Тогда все будет политически верно: вот видите — с вашей и нашей стороны большие жертвы, ничего не поделаешь — война, но вашего парня мы сберегли. Верно с политической стороны, но политика не решает нравственных вопросов, политика не спросит, верно ли поступит этот парень-инопланетянин, если сложа рученьки будет сидеть и ждать своего вызволения, если у него одного был хоть какой-то, пусть даже ничтожно-призрачный, шанс вмешаться и предотвратить бойню? Здесь даже неправомочен вопрос «верно поступит» или «неверно поступит», здесь надо спросить: «Стоит ли он вообще чего-нибудь, этот парень, если не использовал имеющийся у него шанс?» Этот вопрос не политический, этот вопрос должна задать совесть. И Олн принял абсолютно правильное решение: выбор между политикой и совестью должен сделать сам парень-инопланетянин.

Тихомиров встал, подхватил под одну руку скафандр, в другую взял бампуль и направился к двери. Дверь распахнулась перед самым его носом, и в комнату вбежала Лен. Увидев в его руках сложенный скафандр и бампуль, она почти выкрикнула:

— Куда ты собрался?

— А что? — спросил недоуменно Олег.

— Нет, ты мне скажи, что ты придумал? Ты собрался наверх, да? — в ее голосе отчетливо проступили плачущие интонации.

— Нет, а... — хотел возразить Олег, но Лен оборвала его нетерпеливым жестом.

— А кто тебя пустил туда?

— А кто...

— Я никуда тебя не пущу! — решительно заявила Лен. Она с силой захлопнула оставшуюся открытой дверь, стремительно прошла к столу и, отвернувшись от Олега, стала нервно перебирать вещи на столе.

— Вот еще! — хмыкнул Олег и направился к двери.

Лен догнала его, схватила за рукав и повернула к себе. В ее глазах блестели слезы.

— Нет, ты серьезно решил, да? Серьезно? — сказала она, заглядывая ему в глаза. — Ты вот так взял и собрался, и никого не спросил, да? — лицо ее вдруг стало строгим. — А я тебя не пущу!

— Ну, совсем как земная, — сказал, не в силах сдержать улыбку, Олег.

Она закрыла лицо руками и заплакала. Потом, отдернув руки от лица, схватила за спинку стул, стоявший рядом, подняла и стукнула об пол.

— Ты прекрати, слышишь! Прекрати! Я жительница планеты Лин, и нечего меня сравнивать... — она опять закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну, Лен, ну что ты, ну успокойся, — сказал Олег. — Я вовсе не хотел...

Лен отвернулась к столу, но тут же вновь повернулась к Олегу. Лицо ее было деланно спокойным.

— Все! Ты никуда не идешь, все! К чертям, как ты любишь выражаться, твои вылазки, все, война отменяется. Садись, — она указала на диван. — Или сюда садись, — она поставила перед собой стул. — Сейчас мы с тобой... Я давно хотела тебя попросить... Давай споем про Старого Шкипера... Я хочу выучить эту песню... Научи меня петь... Я буду прилежная ученица...

Открылась дверь, и в комнату заглянул Вайл. Увидев Лен, он сделал официально-холодным лицо:

— Олег, вы собрались? Нам пора.

— Я готов, — ответил Олег, направляясь к двери.

— Ты никуда не пойдешь! — выкрикнула Лен. Она отвернулась, пряча лицо в ладонях, и громко заплакала, не стесняясь, навзрыд.

Тихомиров вытолкал Вайла из комнаты, выскочил следом и захлопнул дверь.

Глава 12.

— Что со связью, не работает? — Тихомиров оторвался от мельтешащих разноцветными точками локаторов и повернулся к Вайлу.

— Связь прервалась, — Вайл оставил в покое информационный обруч.

— Ничего страшного, у нас осталась радиосвязь.

— Облако экранирует шахту, мы отрезаны от штаба операции.

— Зато у нас осталась связь со всеми «Тарантулами». Мы еще повоюем.

— Посмотрим-посмотрим, — ответил Вайл с плохо скрытой неприязнью в голосе.

Сотня «Тарантулов» выбралась из шахты. Они походили на пауков, покинувших свою нору после долгой зимней спячки, их черные пятиметровые силуэты с горящими глазами прожекторов расплывались в тумане.

— Выстроиться в кольцо вокруг шахты, — дал команду Олег. Он еще раз попробовал отрегулировать прозрачность тинтония и махнул рукой, оставив все как есть, — прозрачность корпуса была выведена на максимальный уровень.

Судя по данным локации, облако покрывало весь город. Странная взвесь белковых и кремниевых соединений, словно кисель, оплывала по силовым куполам вездеходов, слоями струилась в лучах прожекторов; облако медленно вращалось вокруг центра, ко-

торым был ствол шахты. Где-то в зените должно было находиться солнце, но даже намека не было на его лучи в этом сумрачном свете.

— Видимость ухудшается, — сказал Вайл.

— Вижу.

Взвесь или туман, или черт знает что еще, сгущалась. «Тарантулы» на другом краю площади почти не просматривались, лишь желтые пятнышки прожекторов обозначали их местонахождение. Внезапно в серой вышине совершенно беззвучно полыхнула короткая вспышка, озарившая призрачным голубоватым светом все вокруг, и вновь серая стена сомкнулась над площадью.

— Что это было? Ты видел, Вайл! —воскликнул Тихомиров.

— М-м, — Вайл пожал плечами, — мне показалось — молния... Может быть, вернемся в шахту? Мне это облако не понравилось, когда мы еще поднимались на поверхность.

— Не паникуй, не паникуй. Пока, как видишь, стоим целые и невредимые. Правда, мне тоже не нравится наше стояние, стоим и ничего не делаем, не знаем, что предпринимать. И это облако мне тоже не нравится, и не нравится ухудшающаяся видимость. Ловко Единый Мозг перехватил у нас инициативу, ничего не скажешь. Мы стоим, глазеем в туман, разинув рты, а наш оппонент в это время готовит контраргументы.. самые неотразимые контраргументы... Противостояние в Тумане Сомнений... — Тихомиров усмехнулся.

— И как долго мы будем стоять? Все-таки я оказался прав, когда говорил Олну, что назначение вас командиром отряда — ошибка.

— Вайл, за что ты меня не взлюбил?

— А за что я вас, Олег Павлович, должен возлюбить?

— Я не требую беззаветной любви, — Олег повернулся к координатору и посмотрел на него в упор. — Но почему именно ненависть?

— Потому, что вы привели нашу цивилизацию к катастрофе. До вашего появления какое-никакое равновесие существовало, мы жили в подземельях, но и юргами не могли к нам пробиться. Ваше появление расшатало это равновесие. Гибель нашей цивилизации приближается, и провал сегодняшней вылазки будет тому прямым подтверждением.

— Откуда такая убежденность в исходе операции?

— Вы думаете, можно обыграть противника, знающего каждый ваш шаг? Какая поразительная самоуверенность!

Тихомиров молчал. Пауза затягивалась. Вайл ждал ответа.

— Ты можешь пересесть в другой «Тарантул», — сказал Тихомиров.

— Похоже, тебе именно этого и хочется, — Вайл зло смотрел

на Олега. — Я думаю, теперь-то координаторы убедятся в моей правоте.

У Тихомирова в голове мелькнула догадка.
— Вайл, скажи честно, это ты на совете настаивал на моем немедленном уничтожении?
— Это вам Лен сказала?
— Я сейчас догадался.
— Все-таки Лен сказала вам, — Вайл опустил голову, его пальцы стиснули подлокотники кресла. — И зачем только вы к нам явились...

Новая догадка поразила Тихомирова.
— Вайл, может быть, ревность, а не мои агентурные данные—основная причина подобного отношения?

Вайл поднял голову и смотрел уже спокойным, ничего не выражающим взглядом.

«Неплохо собой владеет», — подумал Тихомиров.

Вайл провел рукой по волосам.
— Мы сюда поднялись, чтобы вести этот разговор?
— Да нет, конечно. Просто сейчас, похоже, будет решаться вопрос о жизни и смерти... Не столько моей, сколько тех, кто пришел в спасательной эскадре, и тех, кто с нами здесь, на площади. Я хотел бы узнать, кто в эту минуту сидит рядом со мной.

Тихомиров отвернулся к экранам.

В серой вышине полыхнул еще один разряд, за ним еще и еще, разряды слились в одну, похожую на дерево, молнию.
— Смотри! — выдохнул за спиной Вайл.

Олег поднял взгляд от пульта и оцепенел. Молния распорола серый туман, и в образовавшемся над площадью окне возникло огромное, потрясающее своими размерами человеческое лицо.

Что-то толкнуло Тихомирова изнутри, вывело из оцепенения, и он закричал в микрофон:
— Не стрелять! Я запрещаю стрелять!

Лицо было мертвенно-неподвижным, будто глиняная маска, с непроницаемой чернотой под поднятыми веками; ветвящиеся молнии огненными трещинами разбегались по нему. Взгляд черных глаз блуждал, как будто высматривал что-то на площади, черные глазные яблоки непередаваемо жутко двигались под веками. Черный взгляд остановился, и Олег понял, что лицо смотрит на него, именно на него. Он физически ощутил, как этот взгляд черной волной вдавливает его в ложемент... Это продолжалось секунду-две, с ужасным грохотом неимоверно мощный разряд ослепитель-

ной вспышкой перечеркнул лицо, и серый туман вновь сомкнулся над площадью. И тут же очень низко, почти над «Тарантулами», с грохотом прошел еще один разряд, теперь уже горизонтальный. Наступила тишина, сзади всхлипывал Вайл. Тихомиров даже не оглянулся на него, глядя неотрывно туда, куда ударил разряд. Там, на самом краю площади, туман расступился, и появился дом, и в доме была дверь, та самая.

«А это уже по мою душу», — подумал Олег.

— Почему вы не стреляли?! — выкрикнул сзади Вайл. — Вы, предатель, почему вы не стали стрелять и запретили стрелять другим?!

Олег оторвал взгляд от дома, нехотя повернулся к координатору. Вайл сидел с ногами в кресле, его еще трясло.

— Потому, что это был не монстр-телепат, — ответил Тихомиров, и сам удивился своей уверенности в сказанном.

— А кто же это, по-вашему, был?

Тихомиров пожал плечами:

— Не знаю. Это кто-то другой. Единый Мозг здесь ни при чем...

— Да откуда вы знаете, самоуверенный идиот?! Кто вам сказал?!

Тихомиров с трудом сдержал в себе желание поставить сидящего перед ним мужчину на место.

— Координатор... ты бы следил за лексиконом. С твоими первишками... — Олег не договорил, посмотрел на дом. — Мне пора, — он кивнул в сторону дома, — это за мной, это, бесспорно, приглашение от Единого Мозга на аудиенцию, — он закрепил гермошлем в замках, надел бронеперчатки, выдернул из зажима бампуль.

— Ни с места! Стоять! — крикнул сзади Вайл.

Тихомиров оглянулся. Вайл, держа в руках импульсный излучатель, выбрался из кресла, мотнул головой на свое место, — садись сюда, — и отошел к пульту управления. — Бампуль брось.

— Вайл! Ты окончательно рехнулся?!

— Брось бампуль! Я предупреждал, Олег Павлович, человек с планеты Земля: если юргами подчинят себе вашу психику, мы вас уничтожим. Момент настал...

— Кто это мы?! Ты — это еще не все линь, — Олег посмотрел на дрожащий ствол излучателя, направленный ему в живот. «Ничерта эта пукалка не сделает моему скафандру», — подумал он и повернулся к мембране шлюзовой камеры.

— Стоять!!! — закричал координатор, и Олег боковым зрением увидел, как ослепительная вспышка выстрела полыхнула у него за спиной.

«Недоумок!» — подумал Олег, поворачиваясь к Вайлу вполоборота, отставил к стене бампуль, с места выпрыгнул в высокое сальто и, приземляясь на ноги, что есть силы опустил сжатые в замок кулаки на голову координатора. Вайл всплеснул руками, выронил излучатель и, как подкошенный, рухнул на пол. Олег подобрал с пола излучатель и швырнул его в люк утилизатора вездехода. «Очнется, наделает здесь дел, сожжет, чего доброго, машину», — подумал он и сказал:

— «Тарантул», открой дверь, я выхожу наружу.

— Олег, — раздалось в шлемофоне, — это Ниер говорит. Олег, мы все слышали по внутренней связи. Олег, ты хочешь идти в дом?

— Ты правильно понял, Ниер. Я иду в дом. Появилась возможность контакта.

— А стоит ли рисковать?..

— Ниер, давай будем считать, что я принял это решение единолично. И еще, Ниер, Вайл лежит без сознания здесь, в вездеходе. Когда придет в себя, «Тарантул» его выпустит, — не дожидаясь ответа, Тихомиров отключил связь, взял бампуль и вышел из вездехода. Огляделся в туманных сумерках, увидел направленные на него лучи прожекторов и с сарказмом продекламировал:

И помнит еще Пандора,
Как шкиперские сандалии
По ней не спеша прошагали,
И помнит она не одна.

Затем поставил бампуль на боевой взвод и сделал несколько шагов в сторону дома.

Дверь в доме раскрылась, и на пороге появился... Этого Тихомиров не ожидал. Двойник стоял, смотрел в его сторону и так же держал бампуль на изготовку. Олег поднял бампуль на уровень груди, двойник в точности повторил его движение. И сразу холодно и пусто стало в голове. «Вот и смерть моя»,—пронеслась отчетливая мысль. Тихомиров прекрасно знал эту тактику, применявшуюся в некоторых видах боевых единоборств — зеркальное отражение — удар встречается с ударом, побеждает тот, чей удар сильнее. «Ну что ж, — подумал Олег, — если стрелять, то мы выстрелим одновременно, и тогда уже никакой Моас не восстановит меня из пепла». Желая подтвердить свою догадку, Олег сделал шаг. Двойник тоже шагнул. «Ладно, рискнем», — подумал Олег и разжал пальцы. Бампуль с лязгом упал к ногам. Двойник тоже уронил бампуль. Пот выступил на лице. Олег включил внутренний обдув, заметив, что двойник тоже щелкнул клавишем на поясе. «Неужели вспотел!» — усмехнулся Олег и сделал еще один шаг. Противник шагнул с ним одновременно. В голове всплыло из «Старого Шкипера»:

И вспомнили старые кости
О том, как в кресло вжимали,
Как терли и как прессовали
Их мощные гравиполя.

Олег пошел навстречу двойнику. Они сходились. Олег запел во все горло:

И вспомнили старые пятки
О том, как с Голконды бежали,
О том, как их обжигали
Урановые поля.

Лицо двойника скрывалось за щитком светофильтра.

«А вот здесь нестыковка, у меня-то щиток поднят», — подумал Олег. До противника оставалось два шага, в голове крутился «Старый Шкипер», и не осталось никаких мыслей, ни о смерти, ни о чем-либо вообще, лишь отчаянное безразличие, как перед прыжком в пропасть. И Олег прыгнул. И доля секунды, которая разделяла их, неожиданно взорвалась в мозгу тысячью синих звенящих искр, словно вольтовая дуга. Олег видел, как сливаются, проникают друг в друга выброшенные в ударе ноги, сливаются тела. Само его тело с дикой болью начало разрываться на части, грянул страшный грохот, ослепляя, ударило по глазам белое пламя взрыва... И Олег оказался во мраке. Навстречу стремительно неслись оранжевые кольца. Это был тот же, как в прошлый раз, тоннель, и мелодия звучала в голове та же. Именно ее он хотел услышать в полифонии Синей Песни Холмов, и вот теперь...

«А почему я в тоннеле?» — подумал Олег и вдруг оказался вне его, удаляясь от оранжевой, выгнувшейся дугой нити в черную бездну. Рядом с первой оранжевой ниточкой появилась вторая. «Два тоннеля!»—удивился Олег, наблюдая, как нити исчезают во тьме. Олег не мог понять, то ли он повис в пустоте, то ли продолжает лететь куда-то. Не было никаких ощущений, только мелодия становилась все тише и тише. Вдруг впереди сверкнул белый ветвистый росчерк, затем еще один, и Олег понял, что перед ним планета, и он видит вспышки молний на ее ночной стороне. Туманная серая пелена промелькнула перед глазами, появились горы. Олег летел над горами, над снеговыми вершинами где-то на уровне облаков, под ним проносился странный серо-черный мир, причем Олег отметил, что чисто белого цвета он так и не увидел.

Среди гор показалась пирамида, отдаленно напоминающая пирамиды майя. Олег начал облетать ее. Вот широкая лестница с темнеющими входами по краям поднимается к вершине, но что-то отвлекло его, и он опять оказался летящим над горами и затем неожиданно в глубине океана. Какие-то блестящие, черно-серые, похожие на застывшую пену водоросли проносились под ним.

Океан кончился, внизу было плато и что-то еще, что — Олег не смог даже осознать с высоты своего полета. Это что-то и вся планета вызвали в нем даже не мысль, просто чувство неприязни, и он опять оказался в черной, без единого огонька, бездне.

Но нет, он ошибался. Какая-то белая точка быстро приближается к нему, растет... Это оказалось лицо человека. Просто одно лицо. Лицо парня лет двадцати пяти, с правильными чертами, с четким рисунком сжатых губ; прямой нос со сдвинутым на самый кончик подобием очков с прямоугольными черными пластинами в изящной, нетрадиционно сдвоенной оправе; глаза, которые очень внимательно смотрели в глаза Олега. Олег тоже очень внимательно смотрел в это лицо. Лицо остановилось и не приближалось. Они оба словно изучали друг друга, особенно этот...

— Юргами, — возникла откуда-то невесомая мысль-шепот, — он с тобой работает...

А тот продолжал очень внимательно рассматривать Олега. Не было страха, просто было любопытство, когда встретились двое, ранее не знакомых, но немного слышавших друг о друге.

Наконец лицо во мраке стало поворачиваться. Олег увидел правильный, как у подающего надежды молодого дипкурьера, профиль, и появилось множество лиц: одни маленькие, несколько очень больших, особенно одно женское. Они, возникая, заполняли пространство перед ним, и Олег понял, что они тоже имеют к нему непосредственное отношение. Все продолжалось неуловимо короткий промежуток времени, затем вновь мрак и ощущение падения куда-то назад, в пространство. Яркие голубые ленты заструились в глазах, и вернувшаяся с ними мелодия выносила его куда-то...

Голубые ленты вытянулись в жгут, жгут вытянулся в линию. По одну ее сторону находилось угольно-черное пространство, по другую — совершенно лишенное какого-либо цвета. Линия пульсировала, а Олег не мог понять, что от него требуется, что он должен сейчас сделать. «Плоскость!» — догадался он, радуясь, как ребенок. Он двинулся в этой плоскости вперед, одновременно находясь по обе стороны голубой линии и в то же время находясь в ней.

Перед глазами возникла черная выпуклость, словно капля нефти повисла на голубом стекле. Капля вздрогнула и исчезла. Тотчас линия вскипела голубыми лентами, мелодия заполнила сознание, закружилась синим вихрем...

Глухо, как из-за стены, доносились невнятные голоса, и Тихомиров сначала не мог понять, о чем идет речь. Слабость разливалась приторно-липкими волнами во всем теле, и, чтобы открыть глаза, пришлось сделать над собой усилие.

Олег увидел, что он лежит в незнакомом павильоне с прозрачным потолком, вокруг него множество известных и неизвестных ему приборов. Сквозь купол сияло голубое солнце.

«Планета Лин», — подумал Олег и прислушался.

— ...Я вам говорю, Геннадий Иванович, кризис миновал, — убеждал один голос. Олег узнал голос Моаса.

— Как же миновал? Как же?! — восклицал другой, видимо, принадлежащий Геннадию Ивановичу, голос.

«Что еще за Геннадий Иванович?!» — удивился Олег, продолжая слушать:

— ...крайняя степень нервного истощения!.. Его надо срочно транспортировать, срочно. Он две недели лежит в беспамятстве.

«Неужели это обо мне?» — подумал Олег.

— Нельзя его никуда транспортировать, — сказал Моас.

— Действительно, Геныч, что ты заладил — транспортировать да транспортировать? Что это тебе, сейф, что ли? — вмешался в разговор до жути знакомый голос.

Говорившие вошли в комнату, шаги их приблизились, и Олег увидел над собой человека с лицом Гриши Твердохлебова. Человек сказал:

— Геныч, он открыл глаза.

— Да ну?! — раздалось в ответ, и сбоку появилось бородатое лицо биоразведчика Гены Бабенко.

Человек с лицом Твердохлебова заговорил:

— Тихомиров. Олег Павлович. Шеф. Елки зеленые, ты меня узнаешь?! Это я, Григорий...

— Гриша, — одними губами сказал Тихомиров, еще ничего не понимая. И тут словно пелену сорвало с мозга, и он закричал, вернее, он захотел закричать, но из горла вырвался хриплый шепот:

— Мужики!!! Черт вас всех раздери на куски, прорвались?! Мужики!..

— Прекрасно, — сказал Бабенко, расплываясь в улыбке и теребя себя за бороду, — ругаться не разучился — значит, пришел в норму.

— Мужики! — Тихомиров закашлялся и, поборов волну легкого головокружения, сел. Он все еще не верил своим глазам. Рядом с подиумом стояли Твердохлебов, Бабенко, Моас, из дверей появилась улыбающаяся Лен и остановилась на пороге. — Значит победа? Прорвались-таки! Значит, юргами все-таки сняли блокаду? Григорий?..

Твердохлебов улыбнулся во весь рот.

— Командир, все в полном порядке. Обошлось без потерь, так только, семь беспилотных разведстанций сожжено конусами, но потом конусы исчезли... Теперь-то конусы многие видели, даже вон, Геныч — и тот видел... Ну ладно, Олег Павлович, в следующий раз доложу по всей форме... Мы сейчас с Генычем сгоняем на крейсер, порадуем Землю, что с тобой полная норма... Тут за тобой

присмотрят, — Твердохлебов кивнул головой в сторону стоящей поодаль Лен, наклонился и громко зашептал: — Это же катастрофа, Олег Павлович! Что ты натворил? Куда нас затянул? Такие глаза!.. — Твердохлебов замотал головой. — Это не женщина, командир, это катастрофа для нашего личного состава. Шеф, ты посмотри на Бабенко, он уже ненормальный... — Твердохлебов распрямился. — Ладно, Олег Павлович, мы пойдем готовить информимпульс. Поправляйся, командир. Привет тебе от всех наших мужиков... Мы к вечеру вернемся...

— Да-да, Олег Павлович, — сияние бабенковской улыбки не могла скрыть борода, — сгоняем на орбиту и назад. Поправляйтесь, мы к вечеру вернемся... Двинулись, Григорий.

Они крепко стиснули Тихомирова в объятиях и выбежали из помещения.

— Ребята — что надо! — Моас проводил их восхищенными глазами. — Действительно, Олег Павлович, ты правильно оценивал своих ребят. Ты бы видел, как они десантировались на город!.. Ах да, ты ведь ничего не знаешь. Когда вы со своим двойником сошлись, была вспышка, и вас накрыл столб света, вы в нем оба растворились... Пять минут это продолжалось, а потом световой столб погас, и ты один лежал. А юргами свернули сферу блокады и, оказывается, ушли, и Единый Мозг, оставшийся один, впал в панику. Даже не в панику, это была истерика — тут и грюзы полезли из-под земли, и монстры-телепаты, и еще какая-то нечисть. Наших-то на площади всех парализовало, а тут твои ребята с неба...

— А лицо? — перебил Тихомиров Моаса.

Моас замолчал, переглянулся с Лен.

— Я понял, что ты имеешь в виду. Этого лица больше не видели. Возможно, это был прощальный взгляд юргами.

— Нет, это не юргами, — Тихомиров опустил ноги с подиума, сел. — Я видел юргами, я видел их планету... Это не они.

Подошла Лен.

— Так значит, Олег, сработал твой вариант?.. Ты все-таки вступил с ними в контакт?

Моас вытянул губы трубочкой, покачал головой:

— Психическая деятельность и резонансные явления — частота собственных колебаний системы совпадает с частотой колебания внешнего воздействия... Может быть, может быть. Чем человеческий мозг не колебательный контур? Но почему именно ты?

— Ты сам рассказывал о темной зоне в нейронной энергоструктуре моего мозга... Меня больше интересует другое, — Олег посмотрел на Лен, на Моаса, — я видел плоскость.

— Какую плоскость? — спросил Моас. Его густые брови поползли вверх.

Глаза Лен расширились:

— Олег... — она замолчала и посмотрела на Моаса.

— Не может быть! — сказал Моас. — Не может быть! — повторил он. — Ты понимаешь, что ты говоришь? Да нет, это невозможно!.. Существо, проникающее за плоскость... Оно же — существо, живущее в трех мирах, оно же существо вне времени и пространства, объединяющее и разъединяющее Мироздание в своей триединой сущности...

Олег повел плечами под его взглядом:

— Я знаю, я читал в ваших древних книгах... Нет, это не про меня, не обо мне, не волнуйтесь. Я там был на правах гостя, что ли... Сколько времени я здесь лежу?

— Две недели и один день. Мы тебя после этого... ну, сразу доставили сюда, в Долину Синих Холмов. Впрочем, тебе Лен все расскажет, я отлучусь на некоторое время, — он повернулся к Лен. — Больному противопоказаны длительные прогулки, ему нельзя переутомляться, — на его лице появилась странная улыбка, и он вышел.

Тихомиров попробовал встать на ноги. Голова слабо кружилась. Подошла Лен, взяла его под руку.

Они вышли на террасу. Тихомиров оперся о парапет. Долина Синих Холмов расстилалась внизу, ее затопляли лучи голубого солнца; сверкающие пики гор, взметнувшиеся выше облаков, напоминали зубья волшебной короны. Пели птицы, шумел ветер в верхушках деревьев, раздавались людские голоса.

Олег закрыл глаза. Ему даже не понадобилось сосредотачиваться, он сразу услышал музыку, хрустальной чистоты звуковой поток затопил его сознание, подхватил и понес к бескрайнему неведомому океану. Чья ты, музыка? Чей гений создал тебя? Возбуждение переполнило его. Он мысленно пропел первую мелодическую фразу из «Старого Шкипера». Тотчас в музыкальной реке что-то изменилось, и он услышал повторение напетой им фразы, река музыки ответила ему. Теперь и его мелодия влилась тоненьким ручейком в полифонический поток Синей Песни Холмов, и он отчетливо слышал ее. Пьянящее чувство восторга охватило его — ему ответили!!! Он открыл глаза и на какой-то миг, на долю секунды, внизу, в очертаниях поросших лесом холмов ему померещилось улыбающееся лицо, померещилось и исчезло, растаяло, как наваждение. В тот же миг музыка слилась с остальными звуками, наполнявшими долину, и Олег понял, что музыка эта вечна, потому что Синяя Песня Холмов имеет и второе название — более емкое — ПЕСНЯ ЖИЗНИ — вечная полифоническая пьеса, не имеющая во вселенной ни конца, ни начала; ПЕСНЯ ЖИЗНИ принадлежит всем, в этой полифонии нет побочных голосов, все темы — главные.

Лен стояла рядом и смотрела на лес внизу.

— Ты слушал музыку? — спросила она.

Олег ничего не ответил, он просто смотрел на нее так, как смотрят в первый раз на чудо, явившееся глазам. Смотрел неотрывно, потому что у этой девушки, стоящей сейчас рядом, в глазах уже не сиреневая птица печали расправила крылья. Он вдруг ясно понял, что такие глаза могут быть... ну разве что у Весны...

— Ты знаешь, — сказала Лен, продолжая глядеть на темно-синие холмы, — по нашим обычаям, если ты находишься со мной здесь в третий раз, ты должен меня поцеловать...

Он отдавал себе отчет, что элементарно теряет голову, но волна чувства, затопившего его, вырвалась из жесткого русла здравого смысла.

— Прекрасный обычай, — сказал Олег, положил ей руки на плечи и, притянув к себе, поцеловал. Он знал, что такого обычая на планете Лин нет...

СИНЯЯ ПЕСНЯ ХОЛМОВ

Редактор С. Ф. Мешавкин, И. Л. Кузовлев.
Художник С. Н. Григорькин.
Корректоры Карпова Т. И., Смирнова И. Р.
Сдано в набор 12.06.91 г. Подписано в печать 24.06.91 г. Формат 60×90/16. Печать высокая.
Гарнитура Литературная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 2,0. Тираж 50 000 экз.
Заказ 2—91. Цена 3 руб. 50 коп.
г. Челябинск, типография ВНИИТФ.

